
Огонек
10



Над городом нефти — Баку — все гуще разрастается лес вышек, растут и ширятся промысла, дающие стране все больше «черного золота».

Знатная женщина Азербайджана депутат Верховного Совета СССР Басти Багирова.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СОВЕТСКОГО АЗЕРБАЙДЖАНА

Фото В. Джейранова

28 апреля Советский Азербайджан празднует свое двадцатилетие. Как и другие союзные республики, социалистический Азербайджан прошел за эти годы большой исторический путь. Благодаря заботам советской власти, большевистской партии и великого вождя народов товарища Сталина гигантски разрослись и расширились промышленность и сельское хозяйство Азербайджана, с невиданной в истории быстротой расцвели его наука, искусство, культура. Трудящиеся Азербайджана, ведомые мудрой партией Ленина—Сталина, готовы к новым трудовым подвигам во славу своей любимой социалистической родины.

Ашуг-орденоносец Авак Азарян со своим сыном Самвелом.

Зеленые бульвары, скверы, широкие улицы, многоэтажные дома — таков Баку, столица прекрасного Азербайджана.

На обложке: В. И. Ленин. Скульптура заслуженного деятеля искусств М. Г. Манизера. На последней странице обложки: Трактор вышел в поле. Фото А. Скурихина.

18-й год издания



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 10
(697)
10 апреля
1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД РОДИЛСЯ ВЕЛИЧАЙШИЙ ГЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ВОЖДЬ И УЧИТЕЛЬ ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕГО МИРА ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

Ленин был рожден для революции. Он был поистине гением революционных взрывов и величайшим мастером революционного руководства. Никогда он не чувствовал себя так свободно и радостно, как в эпоху революционных потрясений. Этим я вовсе не хочу сказать, что Ленин одинаково одобрял всякое революционное потрясение или что он всегда и при всяких условиях стоял за революционные взрывы. Нисколько. Этим я хочу лишь сказать, что никогда гениальная прозорливость Ленина не проявлялась так полно и отчетливо, как во время революционных взрывов. В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони. Недаром говорится в наших партийных кругах, что „Ильич умеет плавать в волнах революции, как рыба в воде“.

И. СТАЛИН

(Из речи на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 года).

«Товарищи Ленин и Сталин за беседой».

Картина худ. А. Моравова.

Леонид Радищев

ДВА СЛОВА

РАССКАЗ

Ранней осенью двадцать первого года, изрядно помотавшись по разным путям-дорогам, я прибыл в славную столицу нашей республики — город Москву. Вид у меня был, прямо сказать, не столичный. На плечах — худая шинелишка, под нею — ватник, на ногах — обмотки неопределенного цвета и сапоги австрийского образца, с гвоздями. А в грудном шинельном кармане лежали две бумажечки, бережно мною хранимые. Первая из них гласила, что предъявитель сего, боец Н-ской бригады запфронта тов. Вахрушев, Сергей Ильич, член РКП(б) с девятнадцатого года, происхождением трудовой крестьянин, командируется на учебу в Кремлевскую школу имени ВЦИК. Во второй бумажке содержалась моя характеристика за подписью начполитотдела бригады. Характеристика была подходящая, и когда я ознакомился с нею, то ощутил щекотанье в горле. Приятно, знаете ли, читать о себе такие одобрительные слова...

В Москве будто бы и не осень. Деревья едва отметило ржавчиной, пригревает солнце. Хорошо было, не торопясь, не спрашивая дороги, блуждать по тихим, пустым улицам, читать разные афиши и плакаты, присаживаться на бульварах, смотреть, какая она из себя, Москва.

Помню, как забилось сердце, когда вышел на Красную площадь, увидел Кремль. Вот она, конечная станция моего путешествия!

Сюда, под кремлевские своды, слетелись бойцы со всех концов республики — все молодой народ, еще не остывший после недавних боев. Пробыли мы в школе недолгое время, и тяжела показалась нам учеба, ох, как тяжела! Оно и понятно: в те годы не лежала голова к ученью. Иные ребята всю свою небольшую грамоту, какую имели, и ту порастрясли. Пришлось начинать почти что с азов.

Не скрою, что и я со своими двумя классами церковно-приходского училища очутился в малограмотной группе. Занимались мы люто, день и ночь, чтобы встать в один ряд с успевающими товарищами и лучше понимать преподаваемые науки. И ничего — догнали! У меня с малолетства крепкая память и быстрота соображения.

Жили мы и учились в Кремлевской школе дружно. Начальники и преподаватели считались как бы старшими товарищами. Был у нас свой курсантский клуб, где можно послушать интересную лекцию, ознакомиться с текущей политикой в газетах и получить нужные разъяснения.

Вот здесь-то, в клубной комнате, и получился у нас однажды интересный разговор с комиссаром школы. Начал его некто Скачков, наш курсант, волжанин, из бывших грузчиков.

— Ответьте нам по одному вопросу, товарищ комиссар! Вот мы, курсанты, давно интересуемся, доведется ли нам когда-нибудь увидеть товарища Ленина. Поскольку мы знаем, что товарищ Ленин также проживает в Кремле, то неужели не будет такой возможности?..

Комиссар улыбнулся:

— Понимаю ваше нетерпение. Будем надеяться, что такая возможность явится. В прошлом году, например, Ильич запросто был у нас на выпуске, фотографировался, обедал с нами...

— Так неужели же и нам ждать выпуска?..

Все мы, слушавшие этот разговор, очень огорчились.

— Не могу вам ручаться, товарищи,— ответил комиссар,— вы знаете, как Ильич занят. Но все же, я надеюсь, встретимся с ним и раньше.

И действительно, вышло так, что мы увидели Владимира Ильича скорее, чем ожидали.

Как-то созвали нас на собрание в присутствии начальника школы, комиссара, коменданта Кремля и других ответственных работников. Начальник школы сделал сообщение особой важности: нам, курсантам, поручалось несение службы охраны на внутренних постах Кремля. Потом выступил комиссар.

— Вам, товарищи,— сказал он,— доверена охрана сердца и мозга пролетарской революции, охрана вождей и центральных учреждений партии. Не требуется объяснять, что это означает! Вам также отлично известны гарнизонный устав и обязанности часового, стоящего на революционном посту, и мы уверены, что вы самоотверженно выполните их до конца!

С того времени мне доводилось стоять с винтовкой на самых ответственных постах.

И вот зимою — в январе, помнится — мне говорит караульный начальник:

— Сегодня, Вахрушев, с двенадцати ночи заступишь на пост № 19. Знаешь, какой это пост?!

Еще бы не знать! Это у квартиры товарища Ленина!

— Так, значит... я могу... увидеть Владимира Ильича?

— Почему бы нет? Свободно можешь!

— А если, допустим, Ленин пойдет мимо меня... что я должен делать?

Карнач усмехнулся:

— Стоять на посту и исполнять свои обязанности часового.

В полночь разводящий повел меня из Грановитой палаты (там у нас помещалась караулка) на пост № 19. Тишина в широком коридоре. Скупо горят лампочки. Рядом дверь в квартиру Ленина. Я стою, поглядываю на дверь, сердце стучит шибче обыкновенного. Увижу его или нет? Поздно уже, наверно, отдыхает после своего непомерно трудного дня...

Вспомнил наши разговоры про Владимира Ильича на фронте, как все ребята мечтали посмотреть на Ленина хотя бы издали, хотя бы краешком глаза. И еще вспомнил, как в Новоград-Волынском в девятнадцатом году, собравшись вокруг политотдельского граммофона, мы, бойцы, слушали речь Владимира Ильича насчет Третьего, Коммунистического Интернационала. Признаться, мы сначала больше интересовались, как это товарищ Ленин разговаривает, как он произносит слова. И потом уж, прокрутив пластинку раз двадцать, стали вникать в смысл речи. Мог ли я тогда иметь представление, что подойду так близко к тому месту, где проживает и работает Владимир Ильич Ленин? И я решил, что если увижу его, обязательно напишу батьке в Клязьму, хотя, уйдя из дому больше пяти лет назад, я не поддерживал с ним переписки...

Вот так-то раздумывая по-разному, я спокойно отстоял на посту до двух ночи.

И вдруг скрипнула дверь в конце коридора — там, где выход из совнаркомовского кабинета. Я вздрогнул, конечно, от неожиданности: сколько времени простоял в тишине,— крепче сжал винтовку. Вижу: идет по коридору невысокий человек, несет подмышкой папку с бумагами. Шаг у него тяжелый, усталый — это я сразу заметил. Он или нет? Пожалуй, он! А может, и нет? От волнения туманится глаз. А ведь если я сомневаюсь, то обязан, как часовой, проверить пропуск.

Поровнялся со мной.

— Здравствуйте, товарищ курсант!

Находясь в полном смятении, я ничего не мог ответить, а спросил по уставу:

— Ваш пропуск!

Он быстро достал маленькую коленкоровую книжечку:

— Пожалуйста!

Я раскрыл пропуск, увидел фотографию, буквы запрыгали перед глазами: «Дано... председателю Совета Народных Комиссаров... тов. Ленину В. И...»

Протянул ему пропуск обратно, ничего не видя перед собой. Дверь закрылась. Должно быть, глупая, потерянная физиономия была у меня в тот момент. «Эх, Вахрушев,— сказал я себе,— до чего ты растяпа, Вахрушев! Не узнал Ленина, пропуск у него требовал! Перестарался, фефела ты!»

Опять стою в тихом коридоре, всячески на себя досадую. Как это все быстро случилось! Кажется, Ленин с усмешечкой на меня посмотрел, когда я спрашивал пропуск. А я даже лица его не запомнил. Обидно до невозможности...

И вот, когда я меньше всего жду этого, открывается из квартиры дверь и на пороге Владимир Ильич. Он и не думал, значит, ложиться.

Я видел его после этой ночи много раз, будучи на том же посту № 19. Видел его ранним утром, идущим по коридору в свой совнаркомовский кабинет, видел и поздней ночью, когда он возвращался домой, с усталым лицом. Как и всегда, он приветливо говорил: «Здравствуйте, товарищ курсант» — и шел дальше.

Я глядел ему вслед до самой двери и рисовал себе такую картину. Вот я встречаюсь с Лениным не на посту, а на выпуске, допустим, или на какой-нибудь конференции, или в каком другом месте. Подхожу к нему: «Простите за дерзость, Владимир Ильич, не вспомните ли вы одного из курсантов с поста № 19? Я тогда не мог разговаривать с вами, так как стоял на посту. А теперь я прошу переговорить со мной».

И мне казалось, что Ленин обязательно улыбнется в ответ: «Правильно, товарищ курсант. Давайте потолкуем».

Напрасная это была надежда. Не пришлось...

Сначала болезнь держала его в стенах квартиры, он не выходил больше. Мы продолжали нести службу охраны на посту № 19. Могучий организм Ленина не сдавался болезни, боролся до последнего. Видели озабоченных докторов, ходивших к нему. Потом ему запретили заниматься, даже самых близких помощников не допускали. А потом он уехал в Горки...

БАТЫРЬ ИЗ СТАЛИ

Создал на земле революцию Ленин,
Принес он трудящимся освобожденье,
Советы создал в кишлаках.
Когда ж дни вождя отцветать уже стали,
Пришел батырь из зари и из стали —
Друг дорогой наш, любимый наш Сталин—
И дальше повел караван.
Социализма цветущие ветви
Растут, укрепляясь повсюду на свете,
Какую же власть ты, прекрасней Советов,
Сумеешь найти на земле?
Никто издеваться не станет над нами.
Расправился вождь наш навек с басмачами,
А те, что страдали всю жизнь батраками,—
Те счастливы стали теперь.
Когда в кишлаках всюду стало известно,
Что рабство исчезло у нас повсеместно,
Что слились дехкане с рабочими тесно,
То радость зажглась, как заря,
И солнечно стало теперь в поднебесье.

(Таджикская народная песня)

Э. Голлербах

В ПОДПОЛЬЕ

14 (2) апреля 1895 года в Царском Селе под председательством Владимира Ильича Ленина происходило совещание членов Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса.

В. И. Ленин провел в Царском Селе всего один день.

Об этом совещании Н. К. Крупская в своей книге «Воспоминания о Ленине» пишет: «В первый день пасхи нас человек 5—6 поехало «праздновать пасху» в Царское Село к одному из членов нашей группы — Сильвину, который жил там на уроке. Ехали в поезде, как незнакомые. Чуть не целый день просидели над обсуждением того, какие связи надо сохранить. Владимир Ильич учил шифровать. Почти полкниги исшифровали. Увы, потом я не смогла разобрать этой первой коллективной шифровки. Одно было утешение: к тому времени, когда пришлось расшифровывать, громадное большинство «связей» уже провалилось».

Кроме В. И. Ленина и Н. К. Крупской у Сильвина присутствовали: А. А. Якубова, А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, В. В. Старков и другие («Ленин в Петербурге». Лениздат 1939, стр. 31). Совещание было организовано в связи с предстоящим отъездом В. И. Ленина заграницу.

Об этом совещании М. А. Сильвин рассказывает: «С февраля 1895 г. жил я в Царском Селе, где давал уроки. На пасхе у меня съехались товарищи, и Владимир Ильич, очертив положение дела, наметил дальнейший план работы и разделение обязанностей между нами в случае его ареста. Это было в апреле. В мае он уехал заграницу» («Каторга и ссылка». 1934, № 1).

Никакого протокола на этом совещании не велось. М. А. Сильвин не берется восстановить в точности содержание тех решений, какие были приняты в этот день, но, по его словам, решения эти определяли весь дальнейший круг работы, состоявшей в расширении связи с рабочими кружками, в пропаганде марксизма и углублении его влияния. «В. И. Ленин и его спутники,— сообщил нам М. А. Сильвин,— пробыли у меня приблизительно с 12 часов дня до 5—6 часов вечера. Обсуждались ближайшие перспективы работы. В. И. Ленин мог, по независящим от него обстоятельствам, не вернуться из-за границы к намеченному сроку; он мог вернуться в срок, но быть вскоре арестованным (как и случилось); в том и в другом случае нужно было распределить роли в дальнейшей работе и т. д. Это и было сделано. В. И. был общепризнанным главою нашей организации».

Конспирация в то время была довольно примитивна. Однако несмотря на всю бдительность царской охранки апрельское совещание в Царском Селе осталось, повидимому, незамеченным. По крайней мере, на первых порах Сильвина не беспокоили. Он высказывает в своих записках предположение, что именно благодаря его пребыванию в Царском Селе он не попал в ту первую группу марксистов, арест которых подготовлялся охранкой уже весной 1895 года и был осуществлен в ночь с 8 на 9 декабря того же года. В. И. Ленин по возвращении из-за границы, где он установил связь с социалдемократической группой «Освобождение труда», был в числе других марксистов арестован 9 (по новому стилю 21) декабря 1895 года в Петербурге.

В октябре 1938 года Ленинградский институт истории ВКП(б) обратился к пишущему эти строки с просьбой помочь Институту выяснить вопрос, в каком именно доме происходило в Царском Селе апрельское совещание 1895 года. Имеется предположение восстановить этот дом и открыть в нем музей, который будет находиться в ведении Ленинградского филиала Музея В. И. Ленина.

В своей статье «В. И. Ленин в эпоху зарождения партии» М. А. Сильвин пишет, что в Царском Селе он «снимал комнату у какой-то немки». Позднее он сообщил Ленинградскому институту истории ВКП(б), что снимал комнату у супругов Шишмаревых, на Конюшенной улице (в номере дома он был не совсем уверен). Нам удалось установить правильность первой версии. «Атлас г. Царского Села», 1857 г. поездка в г. Пушкин и личная беседа с М. А. Сильвиным помогли выяснить, что дом № 11 по улице 1 Мая (он же, по старым планам, дом № 12 по Конюшенной улице) принадлежал в свое время наследникам Гильдендорф. Дом этот сохранил свою внешность до наших дней.

Относительно обстановки комнаты, в которой происходило совещание, М. А. Сильвин сообщил нам следующее: «В комнате был диван (на котором и сидели мои гости), овальный стол, покрытый, насколько мне помнится, красной клетчатой скатертью, несколько стульев и кровать. На стенах не было ни картин, ни портретов. Вся обстановка была не моя, а хозяйская. Характер обстановки был самый банальный и скромный, это была обычная мещанского типа обстановка».

Обстановка комнаты, в которой жил М. А. Сильвин, с 1895 года менялась неоднократно, поэтому восстановить ее возможно только приблизительно.



Владимир Ильич Ленин в 1896 году.

•

Выяснить обстоятельства второго посещения В. И. Лениным Царского Села удалось благодаря П. Ф. Куделли, сообщившей подробности этого эпизода и указавшей на документы, приведенные ею в журнале «Красная летопись» (№ 1 за 1924 год). По словам П. Ф. Куделли, В. И. Ленин, находясь в 1900 году (по окончании ссылки) в Пскове, один или два раза предпринимал нелегальные поездки в Петербург, куда въезд был ему запрещен. Поездки эти сходили благополучно. Неудачная поездка, окончившаяся арестом, относится к маю 1900 года. Отправившись из Пскова в Петербург вместе с Мартовым (Цедербаумом), В. И. Ленин предполагал возможность слежки и потому решил сойти с поезда, не доезжая Петербурга, на станции Александровской. Этим он рассчитывал «сбить с толку» сыщиков, сумевших, однако, проследить Ленина и его спутника. Петербургское охранное отделение 20 мая 1900 года довело до сведения департамента полиции о том, что «вечером, с поездом № 18, Ульянов и Цедербаум чрезвычайно конспиративно поехали в С.-Петербург. На станции Александровская в 7 ч. 26 м. утра сего 20 мая они вышли и путались по аллеям Царского Села, скрываясь от наблюдения, до 9 часов утра, когда по Царскосельской дороге приехали в С.-Петербург».

Несмотря на то что Ленин прибыл в столицу позднее, чем могли предполагать агенты, и не на Варшавский вокзал, а на Царскосельский, сыщики сумели его проследить.

Поездка Ленина была нелегальной. Он был арестован в Петербурге, пробыл под арестом десять дней, а летом того же года снова уехал заграницу. После возвращения из-за границы в октябре 1905 года Ленин никогда больше в Царском Селе не бывал.



Домик в Пушкине (бывшее Царское Село) на улице 1 Мая (бывшая Конюшенная), в котором 14 (2) апреля 1895 года в комнате студента Сильвина под председательством В. И. Ленина состоялось собрание группы членов Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса.

Фото Я. Штейнберга

ИЗ ЖИЗНИ СЕМЬИ УЛЬЯНОВЫХ

В письме Владимира Ильича к матери от 8 мая (ст. ст.) 1895 года из Швейцарии есть следующая фраза: «Видел крестницу и ее фамилию»[1]. В редакционном примечании к этой фразе поясняется: «Шухт Аполлон Александрович был сослан из Петербурга по делу революционных военных кружков (1884—1887) в Сибирь. Вернувшись оттуда, он жил некоторое время в Самаре и там познакомился с В. И., с которым виделся и в Петербурге. Позднее Шухт переехал в Швейцарию, в Женеву, где В. И., как видно из письма, и видался с ним и его семьей. Одна из дочерей Шухт — Ася — была крестницей В. И.— В 1917 году вступил в ВКП(б). Умер в 1933 г.»[2].

Евгения Аполлоновна Шухт, дочь Аполлона Александровича, писала в одном из своих писем 27 ноября 1939 года:

«Мне жаль, что я не могу, по крайней мере, уже сейчас дать Вам с нужной точностью сведения об отношениях между моей матерью, моим отцом и семьей Ульяновых: отца моего уже нет, а мама очень старенькая и хворая, и воспоминания ее оживают только постепенно. Сейчас же, когда я у нее спросила, когда она и отец познакомились с Владимиром Ильичем, она ответила мне с теплой улыбкой:

— Когда? Мне трудно сказать: мне кажется, что Владимира Ильича я знала всегда».

В этом и двух других письмах Е. А. сообщила некоторые подробности о своей семье и о взаимоотношениях ее семьи с семьей Владимира Ильича. Но все это было очень отрывочно, кратко. Мы попросили Евгению Аполлоновну поделиться с нами воспоминаниями.

Аполлон Александрович Шухт умер в 1933 г. В некрологе, написанном Марией Ильиничной Ульяновой, говорится:

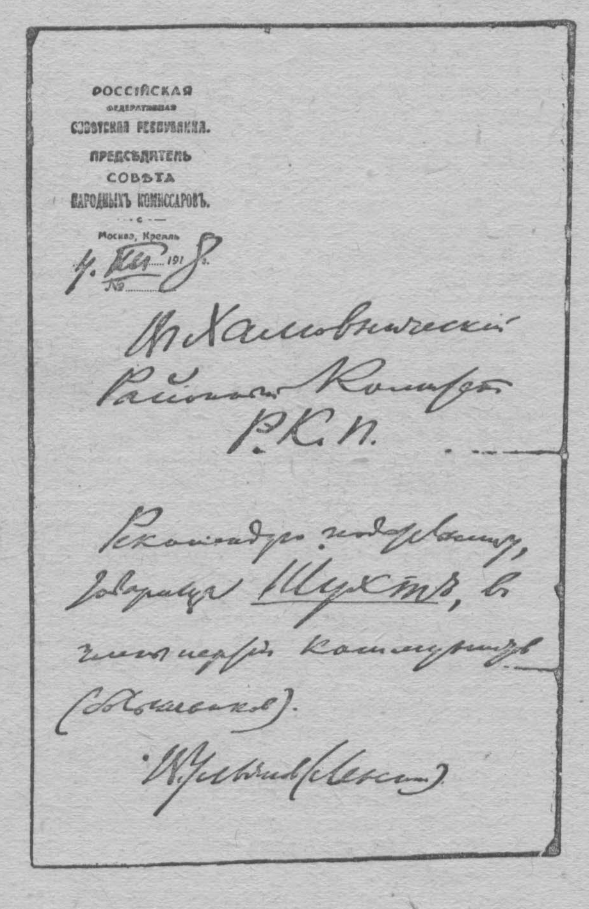
«29 мая ушел из жизни старый революционер т. Аполлон Александрович Шухт... В начале 80-х годов он вступил в связь с партией «Народная воля» (Грачевским, Златопольским, Антоновским), оставил инженерное училище и добровольно пошел на военную службу для революционной работы среди военных... В 1887 г. был арестован и сослан в Сибирь. По возвращении оттуда он познакомился в Самаре в начале 90-х годов с Владимиром Ильичем. Знакомство это не прерывалось и в Питере и в эмиграции, где тов. Шухт пробыл долгие годы...»[3].

Знакомство Аполлона Александровича с Владимиром Ильичем переросло в большую и длительную дружбу. «Отец и мама,— говорит Евгения Аполлоновна,— знали Ильича с очень ранних лет... Отец рассказывал, что когда он разговаривал с Владимиром Ильичем в Самаре, а Владимир Ильич в это время собирался ехать в Петербург, отец дал ему адреса людей, к которым он мог обратиться, людей из революционной среды. Какие это были люди, он мне не говорил...»

Вернувшись из ссылки в 1889 или 1890 году, Аполлон Александрович не получил права жить в Царском селе у матери и должен был оставаться в Самаре. Его жена Юлия Григорьевна решила поехать в Петербург хлопотать о разрешении на проживание всей семьи в Царском селе. Поездка была трудная. Она ехала с тремя детьми, старшему из которых было 5 лет. Ей помог Владимир Ильич. Он собирался ехать в Петербург и свою поездку приурочил к отъезду Юлии Григорьевны, чтобы сопровождать ее. «Мама рассказывает,— говорит Евгения Аполлоновна,— как Владимир Ильич ехал вместе с ней из Самары в Петербург, как он помогал ей в возне с нами, детьми... То, что Владимир Ильич уехал из Самары в Петербург только с мамой и нами, детьми, выявляет его теплое, заботливое отношение к товарищам уже в такие молодые годы...»

Разрешение удалось выхлопотать, и вся семья Шухт переселилась в Царское село. «Туда приезжал навещать моих родителей Владимир Ильич,— вспоминает Е. А.— Помнится, что туда же приезжала и Мария Александровна, мать Владимира Ильича».

В 1893 году семья Шухт увеличилась. Родилась четвертая дочь — Ася. Ребенка


Российская Федеративная Советская Республика.
Председатель Совета Народныхъ Комиссаровъ.
Москва, Кремль
4. XII 1918

В Хамовнический Районный Комитет Р.К.П.

Рекомендую подательницу, товарища Шухтъ, в члены партии коммунистов (большевиков).

ВУльянов (Ленин)

Рекомендация В. И. Ленина, данная Е. А. Шухт.

нужно было крестить, иначе нельзя было поступить в школу, на службу, перед ним были бы закрыты все пути. Владимир Ильич согласился быть крестным отцом.

Дружба с семьей Шухт не прерывалась у Владимира Ильича и заграницей, в эмиграции. Евгения Аполлоновна вспоминает встречи в Швейцарии:

«Владимир Ильич приезжал к нам в Швейцарию. Был у нас в Женеве. А потом, когда мы были в горах, в Огском кантоне, очень высоко — 1400 метров над уровнем моря, к нам приезжали туда Анна Ильинична и Мария Ильинична, но Владимира Ильича не было. Где он был тогда, я не знаю.

Семья Владимира Ильича была исключительная. О сплоченности этой семьи я, конечно, не могу судить: мне было тогда лет семь. Но я чувствовала то тепло, которое всегда исходило от этой семьи и охватывало всех вокруг.

Помню, как жили они в горах. Мы жили в маленьком шалэ. Они тоже были там. Помню, как мы гуляли вместе. Помню большую экскурсию. Это был прекрасный день. В горах все точно омыто водой. Все краски такие чистые, четкие, ясные, видно далеко-далеко. В такой день мы взбирались на гору, расположенную перед нашим шалэ. Мария Александровна, мать Владимира Ильича, в то время была уже седая. Анна Ильинична произвела на меня впечатление тоже совсем взрослого человека: Мария Ильинична лет на десять старше меня. Асе было три года. Она тоже была с нами, но, конечно, отец все время нес ее на руках.

Дошли мы до места, где начинается самая верхушка горы. В Швейцарии часты такие горы: они идут не очень круто, а потом вдруг крутая как шапка голая вершина. Дошли мы до этой шапки и остановились. Марии Александровне было дальше трудно идти. Детям тоже. Пошла одна Мария Ильинична. Я смотрела на нее страшно «завидующими» глазами. Так мне хотелось пойти... Я сидела на большом камне и следила за ее удаляющейся фигуркой. В темном платье, стройная, тоненькая, она упрямо шла вперед. Не оборачиваясь, несколько наклонившись. Такой она осталась у меня в памяти на всю жизнь. Это был характер — упорный, добивающийся своей цели во что бы то ни стало и до конца».

В марте 1917 года семья Шухт вернулась в Россию. Евгения Аполлоновна встречалась с Владимиром Ильичем, Марией Ильиничной и Анной Ильиничной и в Петербурге и в Москве. В 1918 году она познакомилась с Надеждой Константиновной и с тех пор неоднократно встречалась с ней. Евгения Аполлоновна рассказывает:

«С Надеждой Константиновной я встречалась часто и бывала у нее в Наркомпросе. Бывала у нее и в Кремле. Помню, сколько мужества было в ней, когда Владимир Ильич был ранен. Она работала и продолжала приходить в Наркомпрос.

Помню, как она рассказывала, что Ильич страшно тоскует без работы, рвется к работе, раздражается. Врач, под нажимом Владимира Ильича, разрешил принять ему одного человека, но не больше чем на 15 минут. Тогда Владимир Ильич сказал:

— 15 минут? Что так много? Уж лучше троих по пять минут.

...Помню, что я принесла как-то огромную охапку цветов, и Надежда Константиновна меня после порадовала. Она сказала, что Владимиру Ильичу присылают много цветов, но он не позволяет их ставить в его комнате, очень они холеные, а ваши,— говорит,— он велел оставить. Там, между прочим, было много душистого горошка».

В том же, 1918 году Евгения Аполлоновна решила вступить в партию.

«К первой годовщине Октябрьской революции я решила подать заявление о вступлении в партию. Я считала, что рекомендацию, которая, как мне казалось, должна решить для меня вопрос, действительно ли готова я к вступлению в партию, я могу получить только от того человека, который является для меня воплощением коммунизма. Для меня таким человеком всегда была Надежда Константиновна. И проверить себя я хотела у нее.

Помню, как я зашла к ней в кабинет и сказала:

— Надежда Константиновна, я хочу вступить в партию. Можно?

— Вам нужна рекомендация? Я дам.

Она дала мне рекомендацию. Я подала заявление с этой рекомендацией в Хамовнический район. Но там в принятии меня в партию отказали, а предложили вступить в сочувствующие.

Опять встретила в Наркомпросе Надежду Константиновну. Она спросила меня:

— Ну, как, приняли вас в партию?

Я говорю:

— Нет, отказали.

Она ничего не сказала.

Не могу точно вспомнить, на другой ли день или на третий, ко мне пришла секретарь Надежды Константиновны и принесла рекомендацию Владимира Ильича. В ней было написано:

«В Хамовнический Районный Комитет
Р. К. П.
Рекомендую подательницу, товарища ШУХТ, в члены партии коммунистов (большевиков).
В. Ульянов (Ленин).
4. XII — 1918 г.».

С этой рекомендацией я была принята в партию Замоскворецким райкомом. Секретарь райкома поступил тогда даже, может быть, неправильно, потому что он посмотрел рекомендации Надежды Константиновны и Владимира Ильича, улыбнулся и сказал своему секретарю:

— Выдай билет.

---

[1] В. И. Ленин. Письма к родным, стр. 5. Партиздат. 1934.
[2] Там же, стр. 6.
[3] «Правда» от 3 июня 1933 года.



Ася Шухт в 1908 году.

И тут же, без общего собрания, я получила билет. Это было 10 февраля 1919 года, а фактически общим собранием была принята лишь 20 февраля».

Евгения Аполлоновна рассказывает об Анне Ильиничне:

«В конце 1919 года я заболела, меня отвезли в санаторий. Болела очень тяжело, у меня было полное истощение, я разучилась ходить, лежала почти пять лет. В этом санатории работала няней одна женщина. Она была женой агронома, который погиб. Остались его жена Варя и двое детей. Варя сама заболела туберкулезом. Няней она работала тоже в туберкулезном санатории. Конечно, эта работа была ей не по силам. Но она беспокоилась за судьбу своих детей и работала. Она рассказывала мне о своих детях. Я делала, что могла. Учила их. Но их надо было устроить.

Я вспомнила об Анне Ильиничне. Написала ей письмо. Варя повезла его и, когда вернулась в санаторий, была положительно окрылена. Говорит:

— Если бы все были такие люди на свете, у нас все было бы хорошо.

Она привезла мне письмо от Анны Ильиничны, в котором та просила дать некоторые справки об этих детях.

Конечно, Анна Ильинична устроила обоих детей — и Марусю и Веру. Веру я потом видела уже комсомолкой здесь, в Москве. А Маруся тогда еще была в детском доме.

Этим мне хочется подчеркнуть особую отзывчивость всей семьи Ульяновых. И Мария Ильинична, и Анна Ильинична, и Надежда Константиновна всегда исключительно ласково относились к людям и помогали тем, кто за этой помощью к ним обращался. К Надежде Константиновне я неоднократно направляла людей, и результаты были всегда одинаковы. Люди возвращались окрыленные: они чувствовали теплую, умную ласку».

Евгения Аполлоновна вспоминает о встречах с Владимиром Ильичем:

«Это был съезд, не помню, второй или третий, Союза работников просвещения. Помню, как мне пришлось поехать в Кремль, просить Владимира Ильича, чтобы он приехал к нам на съезд. Обратилась я к А. В. Луначарскому с просьбой о выдаче мне мандата для входа в Кремль. Все это делалось тогда очень просто. Анатолий Васильевич велел напечатать, и я вместе с кем-то (не помню сейчас с кем) поехала. Нас пропустили. До Владимира Ильича мы не дошли, написали записку, передали секретарю, и секретарь сейчас же вышел и сказал, что Владимир Ильич у нас на съезде будет обязательно, но когда,— он точно сказать не может.

Съезд этот происходил в большом доме в Харитоньевском переулке. Что представляет собой теперь этот дом, я не знаю. Помню большую входную стеклянную дверь. Съезд уже шел. А я как секретарь покоя, конечно, не имела. Все время бегаешь: то устраиваешь делегатов, то организуешь им завтраки, ночевку, то вдруг оказывается, что кому-то нужно выдать валенки, то еще что-то. Одним словом, секретарская работа...

Мы не знали, когда приедет Владимир Ильич. Я сходила с широкой лестницы против двери подъезда и вдруг увидела, что подъезжает автомобиль. Сразу подумала: не Владимир ли Ильич?

И действительно, Владимир Ильич вышел из автомобиля и быстрой походкой вошел в здание. Первый человек, который попался ему навстречу, была я. Владимир Ильич поднял руку:

— Здравствуйте. Телефон тут есть?

— Есть.

— Позвоните, пожалуйста, по такому-то номеру. Попросите передать Надежде Константиновне, что я приеду часов в шесть.

— Хорошо.

И побежал дальше, выше. А я повернула налево: там была комнатка с телефоном. Вызываю номер, и по голосу, мне кажется, отвечает Мария Ильинична. Но я не спросила, кто. Владимир Ильич дал мне только номер, а не сказал, кому позвонить. Я передаю:

— Владимир Ильич просил передать Надежде Константиновне, что он приедет в шесть часов.

— Хорошо, спасибо. А сейчас Владимир Ильич где?

Наступило небольшое замешательство...

— Этого меня Владимир Ильич не просил передавать...

Тут я услыхала ласковый смех, по нему узнала Марию Ильиничну и повесила трубку.

А потом я бросила все свои заботы о делегатах, побежала вслед за Владимиром Ильичем и успела к началу его речи.

Эта речь на делегатов произвела огромное впечатление».

Встречи Евгении Аполлоновны с Надеждой Константиновной были очень часты, и Надежда Константиновна не переставала всячески помогать Евгении Аполлоновне. Например в 1921 году, во время чистки партии, Надежда Константиновна дала ей следующую рекомендацию:

«Евгению Аполлоновну Шухт знаю по ее работе в Наркомпросе, знаю, как преданную делу коммунистку.

Надежда Константиновна Крупская-Ульянова, член партии с ее основания (1898 г.), № парт. билета 221125».

Евгения Аполлоновна рассказывает, что она очень волновалась во время чистки партии и, получив рекомендацию Надежды Константиновны, сейчас же послала ее в райком. Из райкома ей немедленно сообщили: «Вы не беспокойтесь, выздоравливайте».

В это время Евгения Аполлоновна перенесла тяжелую болезнь. Она лежала в санатории, но связи с Надеждой Константиновной не теряла. Она вспоминает:

«В газетах промелькнуло известие, что Надежда Константиновна больна. Я послала ей несколько писем. Ответа не получала. Очень волновалась. Наконец, написала Владимиру Ильичу, чтобы он попросил своего секретаря сообщить мне о здоровье Надежды Константиновны. Ответа тоже не получила. Я даже не убеждена в том, что он получил мое письмо, так как отправила я его через другие руки. Сама я не вставала с постели и письма свои отправляла через тех больных, которые могли выходить. Но так или иначе ответа не было. В конце концов я написала Владимиру Ильичу второе письмо, очень сердитое, сообщила ему, что я не хочу отрывать у него время, знаю, что свободного времени у него нет, но что он все-таки должен был бы поручить кому-нибудь сообщить мне о здоровье Надежды Константиновны...

Вскоре ко мне приехала Надежда Константиновна. Она долго сидела у меня и потом спросила:

— Женя, может быть, вам хочется, чтобы Владимир Ильич приехал к вам? Я ему скажу. Он приедет.

Но это было так огромно, то, что она предлагала, а время было такое тяжелое и напряженное, что мне стыдно было сказать, что я хочу... Я чувствовала, что нельзя просить Владимира Ильича приезжать к одному больному. Я тогда шутя сказала Надежде Константиновне:

— Владимир Ильич не приедет, я ему послала сердитое письмо.

А сейчас,— сейчас во мне, может быть, эгоизма больше что ли, и сейчас я жалею, что не согласилась на предложение Надежды Константиновны, потому что тогда я еще раз увидела бы Владимира Ильича.

Я была еще в санатории, когда Владимир Ильич умер».



Аполлон Александрович Шухт, его дочь Юлия Аполлоновна, жена Юлия Григорьевна и сын Виктор Аполлонович. 1922—1923 годы.

В 1933 году умер Аполлон Александрович Шухт. На его похоронах присутствовала Мария Ильинична. «Я никогда не забуду,— говорит Евгения Аполлоновна,— похороны отца. Мария Ильинична была на похоронах. Отец лежал в доме Общества старых большевиков. Мария Ильинична пришла туда с длинной гирляндой цветов и обернула ею тело отца. Она первой говорила речь об отце. Ее речи я сейчас не помню».

В. СИДОРОВ, С. ИВАНОВ

П. Агеев

МАЯКОВСКИЙ О ЛЕНИНЕ

В 1920 году, в связи с пятидесятилетием со дня рождения великого вождя, поэтом было написано стихотворение «Владимир Ильич».

В этом стихотворении Маяковский выразил свою пламенную любовь к партии Ленина — Сталина, свои чувства неразрывной связи с ней как поэта революции:

«Поэтом не быть мне бы,
если б
не это пел —
в звездах пятиконечных небо
безмерного свода РКП».

Произведение «Владимир Ильич» явилось важным событием в развитии поэзии социалистического реализма. Оно правдиво выразило величие исторической роли истинного вождя в социалистической революции:

«Металось
во все стороны
мира безголовое тело.
Нас
продавали на вырез.
Военный вздымался вой.
Когда
над миром
вырос
Ленин
огромной головой,
И земли
сели на оси.
Каждый вопрос прост».

Маяковский выразил глубокое чувство народного признания в Ленине великого вождя и организатора новой жизни, выразил веру масс в своего вождя:

«Я
в Ленине
мира веру
славлю
и веру мою».

В 1923 году Владимир Ильич тяжело заболел. Каждый трудящийся тревожно всматривался в сообщения газет. Рабочие и крестьяне, совершившие вместе со своим вождем социалистический переворот и построившие советское государство, не хотели верить, что болезнь может лишить их пламенного вдохновителя и организатора побед, любимого друга и учителя, бессмертного вождя социалистической революции.

Этой теме посвящено стихотворение поэта «Мы не верим!»

«Разве
жар
такой
термометрами меряется?
Разве пульс
такой
секундами гудит?!
Вечно будет ленинское сердце
клокотать
у революции в груди».

Когда мир потрясла весть о смерти Ленина, Маяковский тяжело переживал боль неизмеримой утраты. Это были дни величайшей скорби передового человечества, навсегда вошедшие в историю революционного движения, дни могучего роста армии ленинцев, дни сталинской клятвы и сплочения сил под знаменем ленинизма.

«Рабочий класс всего мира встретил весть о смерти Ленина, как самую тяжелую утрату. В день похорон Ленина международный пролетариат объявил пятиминутную остановку всех работ. Остановились железные дороги, остановилась работа на заводах и фабриках. Трудящиеся всего мира с глубочайшей скорбью провожали в могилу своего отца и учителя, лучшего друга и защитника — Ленина.

На смерть Ленина рабочий класс Советского Союза ответил еще бо́льшим сплочением вокруг ленинской партии» («Краткий курс истории ВКП(б)»).

Для Маяковского эти дни знаменательны как время резкого идейно-творческого роста. Певец социалистической революции, участник Октября и строительства новой жизни, он снова обращается к образу Ленина, чтобы в новой связи осмыслить и поэтически выразить величие ленинских идей и дел.

Он пишет свою знаменитую поэму «Владимир Ильич Ленин», которая является ценным вкладом в сокровищницу литературы о Ленине и Сталине. В этой поэме Маяковский создал правдивый образ вождя рабочего класса, вождя мирового значения, поднявшего победное знамя коммунизма во всем мире.

Поэма «Владимир Ильич Ленин» зовет трудящихся всего мира к решающим боям под знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина:

«С этого знамени,
с каждой складки
снова
живой
вызывает Ленин:
— Пролетарии,
стройтесь
к последней схватке!
Рабы,
разгибайте
спины и колени!
Армия пролетариев,
встань стройна!
Да здравствует революция
радостная и
скорая!
Это —
единственная
великая война
из всех,
какие знала история».

«Грандиозна задача,— писал в своей книге о Сталине А. Барбюс,— воссоздать облик человека, так неразрывно слитого с работой мирового значения, образ политического бойца, сквозь который видны миры и эпохи». Такая задача предполагает высокий идейный уровень художника, глубокое знание истории революционной борьбы и народного быта, преображенного у нас в стране под водительством Ленина и Сталина в счастливую, свободную жизнь строителей коммунистического общества.

«Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше.
Я боюсь
этих строчек тысячи,
как мальчишкой
боишься фальши.
Рассияют головою венчик,
я тревожусь,
не закрыли чтоб
настоящий,
мудрый,
человечий
ленинский
огромный лоб».

На I съезде советских писателей Горький справедливо отмечал, что «фольклор в наши дни возвел Владимира Ленина на высоту мифического героя древности, равного Прометею».

О Ленине и Сталине народы слагают песни, былины, сказания и сказки. В образе своих вождей народ видит самые лучшие черты человека, олицетворяет социалистическую революцию, успехи, новую, радостную жизнь. Имена «Ленин», «Сталин» для угнетенных всего мира звучат как призыв к борьбе за торжество мировой коммунистической революции.

На легендарном фоне народной героики, в пышном окружении старинного поэтического орнамента, Ленин и Сталин выступают как богатыри, освободившие трудящихся от векового гнета, бесправия и нужды. Они обладают величайшей силой. Это отважные воины и орлы. «Ленин — огненный», — поют узбеки. «Ленин — новое солнце»,— поет дунганский народ. Он высок, «как снежные горы», изображают казахи. В армянском «Сказе о Ленине» Ленин — сказочный богатырь на коне, воюющий против султана и богачей. Образ Ленина как легендарного богатыря, борющегося против эксплоататоров во главе народа, характерен для всего фольклора.

Маяковский обогатил художественную литературу в разработке темы о Ленине новым стилевым приемом. Он обратился к документальным материалам, к фактам и событиям международного революционного рабочего движения, к источникам революционной теории, к ленинскому предшественнику Марксу, к характеристике осужденного Лениным одиночного террора против эксплоататоров и, наконец, к ленинским трудам, биографии, к богатому запасу наблюдений и волнующих переживаний народных масс в ленинские траурные дни. Этот метод значительной документации в поэтических произведениях о Ленине в последнее время широко используется в кино, театре и эпосе.

Маяковский изображает Ленина как величайшего вождя социалистической революции и одновременно как самого земного «изо всех прошедших по земле людей»:

«Он земной,
но не из тех,
кто глазом
упирается
в свое корыто.
Землю
всю
охватывая разом,
видел
то,
что временем закрыто».

Ленин действовал как историческая личность.

Горький, вспоминая выступление Ленина на Лондонском съезде, резюмировал: «...все это было необыкновенно и говорилось им, Лениным, как-то не от себя, а, действительно, по воле истории...»

На фоне важнейших исторических событий, изображаемых Маяковским, образ Ленина вырастает во всем величии. От описания траурных дней поэт ведет нас к наиболее значительным этапам биографии Ленина:

«Что он сделал?
Кто он
и откуда?
Почему
ему
такая почесть?»

Вся жизнь Ленина — бурное горение гения вождя во имя счастья трудящихся.

Прощание трудящегося человечества с Ильичем было одновременно и великим осознанием многомиллионными массами бессмертия Ленина:

«Ленин
и теперь
живее всех живых.
Наше знанье
сила и оружие».

Исторические дни траура Маяковский представил как эпопею великого роста мудрости всего прогрессивного человечества:

«Стала
величайшим
коммунистом-организатором
даже
сама
Ильичева смерть».

Ленин в произведениях Маяковского изображен как конкретная историческая личность — воплощение лучшего народного героя, о котором народ мечтал веками. Он родился, когда время его пришло:

«Капитал,
ежом противоречий,
рос во-всю
и креп,
штыками иглясь.
Коммунизма
призрак
по Европе рыскал,
уходил
и вновь
маячил в отдаленьи.
По всему по этому
в глуши Симбирска
родился
обыкновенный мальчик
Ленин».

Обыкновенный человек Ульянов становится преемником и продолжателем дела Маркса и вырастает в гениального вождя международного коммунистического движения. Вот почему

«Коротка
и до последних мгновений
нам
известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина
надо писать
и описывать заново».

Ленин рос вместе с революционным движением рабочего класса, и, как легендарный Антей, черпал силу в народе. Он вывел народы из мрака, научил их владеть оружием революционной теории:



«Выступление В. И. Ленина на III съезде комсомола».

Картина С. П. Дядюшенко.

Всесоюзная выставка «Ленин и Сталин в народном изобразительном искусстве».

«Бился
об Ленина
темный класс,
тек
от него
в просветленьи,
и, обданный
силой
и мыслями масс,
с классом
рос Ленин».

Для обеспечения победы рабочего класса Ленин строит партию большевиков, партию нового типа, ведущую трудящихся страны от победы к победе:

«Партия и Ленин —
близнецы-братья,—
Кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим —
Ленин,
подразумеваем —
партия,
Мы говорим —
партия,
подразумеваем —
Ленин».

Ленин, «сощуря глаз», умел улавливать «и крик крестьянский и вопли фронта», волю рабочего — нобельца и путиловца, «взвешивал мир в течение ночи», а утром издавал исторические приказы. Ленинские декреты, обращения, призывы жгли сердца людей, мгновенно подхватывались массами.

М. Горький подчеркнул великолепную черту характера Ленина — жажду радостной, счастливой жизни для народа. Эта идея составляет пафос поэмы Маяковского о Ленине.

«Вот он не существует физически, — писал М. Горький, — а голос его все громче, победоноснее звучит для трудящихся земли, и уже нет такого угла на ней, где бы этот голос не возбуждал волю рабочего народа к революции, к новой жизни, к строительству мира людей равных. Все более уверенно, крепче, успешней делают великое дело ученики Ленина, наследники его силы».

Страна, руководимая гениальным продолжателем ленинских дел товарищем Сталиным, преображается, крепнет и достигает новых побед социализма. И поэт со всем народом рапортует Владимиру Ильичу, который как бы жив, находится всегда с нами, ведет нас:

«Товарищ Ленин,
я вам докладываю
не по службе,
а по душе».
(«Разговор с товарищем Лениным»).

В другом стихотворении — «Ленин с нами» — поэт подводит итоги величайших побед за десять лет строительства нового, социалистического общества под знаменем Ленина.

Маяковский писал о Ленине просто и ясно. Он предостерегал любителей ложного, символического языка подражателей от таких эпитетов, как «царственный вид», «дар божий», что так писать о Ленине нельзя. «Скажут так,— резюмировал поэт,— и вышло ни умно, ни глупо. Повисят слова и уплывут, как дымы. Ничего не выколупишь из таких скорлупок. Ни рукам, ни голове не ощутимы. Как же Ленина таким аршином мерить!» Талантливейший поэт, работая над образом Ленина, убедился, что глубокое историческое содержание неизбежно требует ясной, отчетливой живописи словом, что здесь нужны слова точные, пусть непризнаваемые ранее буржуазной эстетикой «прозаизмы». Поэт писал:

«Знаю,
лирик
скривится горько,
критик
ринется
хлыстиком выстегать:
— А где ж душа?!
Да это ж —
риторика!
Поэзия где ж?
Одна публицистика!!»

Однако для Маяковского, смело прокладывающего пути поэзии социалистического реализма, совершенно ясны были классово чуждые идеологические основы подобных «эстетических» осуждений его творчества:

«Пролетариат —
неуклюже и узко
тому,
кому
коммунизм — западня.
Для нас
это слово —
могучая музыка,
могущая
мертвых
сражаться поднять».

Неисчислимые миллионы людей с любовью и революционной страстью изучают жизнь и учение Ленина, чтобы верно и неуклонно следовать заветам своего бессмертного вождя. Каждый трудящийся учится у Ленина и Сталина, как надо бороться за дело коммунизма и побеждать. Эту жажду советского народа жить и работать, творить по-ленински ярко выразил вождь народа товарищ Сталин в своей речи перед избирателями Сталинского округа. Он требовал, чтобы депутаты народа были деятелями ленинского типа, чтобы они имели «перед собой великий образ великого Ленина», подражали ему во всем.

Стихотворения Маяковского и его замечательная поэма о Ленине полны народной страстью, жаждой жить и творить так, как жил и творил Ленин.

В 1930 году в Большом театре, на торжественно-траурном заседании, посвященном шестой годовщине со дня смерти В. И. Ленина, Маяковский читал свою поэму «Ленин». Горячо аплодировал зал. Аплодировало Политбюро. Аплодировал великий Сталин. Поэму Маяковского, его стихи о Ленине читают и перечитывают, волнуясь, переживая, трудящиеся СССР и всего мира.



В горах Западного Кавказа.

Фото А. Штеренберга.

Низами

СЕМЬ КРАСАВИЦ

(ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ)

Его примчал в равнину славный конь,
Она была поката, как ладонь.
Здесь музыка неслась со всех сторон,
И песнь лилась под лютен сладкий стон.
Ему кричали: «Гость любезный наш!» —
И множество протягивали чаш.
Он осмотрелся: но средь гор и дол
Цветов и зелени он не нашел.
Равнина вся испещрена была
Телами дивов — страшные тела!
Див к диву был прижат, спина к спине.
Как бы несясь на взмыленном коне,
Взрывали землю, точно ураган,
От стонов гулей вздрагивал Махан.
Как длинных, черных пьявок тесный ряд
Куда ни глянь, везде они кишат.
Махан попал в то место, где горой
Вздымался к небу дикий рев и вой.
Беснующихся страшен был привал,
Мозг в голове от воплей закипал;
И, к ужасу Махана, каждый миг
Усиливался этот адский крик.
Но вот при свете факелов вдали
Увидел он толпу чудовищ. Шли,
Кривляясь, гули. Зинджи среди них,
Чернее сажи были лица их.
Одежды их — как деготь и смола.
Рога в хобот. Борода козла.
Все собрались: и гуль, и бык, и слон,
И каждый факелом был освещен.
И пламени танцующий язык
Из глоток вырывался каждый миг.
Как пьяная богопротивна речь,
Так мерзостна минута этих встреч.
А дивы, покрывавшие луга,
Бодались яростно, скрестив рога.
Под звон литавр ударили в цимбал,
Весь мир, казалось, с ними заплясал.
Под их напев, копытами забив,
И конь Махана заплясал, как див.
Увидел всадник, голову склоня,
Цветные перья на ногах коня,
И, холодея, содрогнулся он,
Что в этот ад примчал его дракон.
Дракон четырехкрылый. Нет, страшней!
Несущий гибель семиглавый змей.
И он на нем сидел едва живой,
Прижав колени к шее огневой.
И было удивительно, что див,
Копытами извивы совершив,
Запутанней, чем свернутый канат,
Не сбросил всадника в кипящий ад.
Махан бессилен был, как стебелек,
Попавший в сокрушительный поток.
Вперед! Назад! То тише, то сильней
Кидал его осатанелый змей.
Как бы резвясь, зубами повод грыз,
Бросая юношу то вверх, то вниз.
Зверь то подбрасывал его, как мяч,
То бешено брыкал, пускаясь вскачь.
Так потешался он под звон подков
Над всадником до крика петухов.
Лишь показалась утра голова
На небесах из-под созвездья Льва,
Он сбросил всадника и скрылся вмиг —
И тотчас стихнул дикий шум и крик.
И перестали черные котлы
Кипеть средь расплывающейся мглы.
Когда несчастный путник осознал,
Что это див был, он без чувств упал.
Как раненый лежал он. Нет, скорей,
Как разлучившийся с душой своей.

* * *

Пустыня эта далеко легла,
Здесь дивов обиталище и зла.
Здесь люди — бесы, зинджев всех страшней.
Здесь пожирают яростно людей.
Обманом их в пещеру заманив,
Их по суставам разрывает див.
Под видом сострадателей-друзей
Они обманывают их хитрей.
Протянутой для помощи рукой
Бросают их в колодезь ледяной.
Страшнее ненависти их любовь,
Таков обычай дивов, пьющих кровь.
Тот, кто коварен,— это тот же див,
Что дышит злобой, злобу породив.
На свете дивов много есть таких
Не только здесь, среди пустынь глухих,
Людей ничтожных, с глупой головой,
Смеющихся над глупостью чужой.
Они то правдой прикрывают ложь,
То яд дают, который с медом схож.
Во лжи людской беспомощность видна
И лишь правдивым радость суждена!

Перевел РЮРИК ИВНЕВ



I

Шлюпки с младшими офицерами эскадры вице-адмирала Нахимова одна за другой подходили к флагманскому кораблю «Императрица Мария».

После сильного шторма, немилосердно трепавшего перед тем двое суток суда, заштилело, и даже зыбь успела улечься настолько, что шлюпки без особых усилий приставали к трапу корабля.

Мичманы настроены были празднично, взбираясь по трапу на палубу. Еще бы!.. Во-первых, Павел Степанович не зря же вызвал их перед самым обедом: он, конечно, оставит их у себя обедать, и тут-то они разузнают как следует все новости, чтобы было с чем вернуться, кроме официальной переписки; во-вторых, они уже около месяца не сходили никуда каждый со своего судна и не видались с товарищами из других экипажей; в-третьих, наконец, подымало их настроение и то, что через них будут переданы командирам судов какие-то важные приказания насчет будущих действий, не говоря уж о копиях с царского манифеста о войне с Турцией.

О том, что война уже объявлена, еще два дня назад извещалось с флагманского корабля сигналом, но штормовая погода мешала общению между судами эскадры.

Весть о войне принес пароходо-фрегат «Бессарабия», пришедший из Севастополя. Всеми предполагалось, разумеется, что вместе с этой короткой, но весьма значительной вестью пришел на имя Нахимова обстоятельный приказ начальника штаба русского флота светлейшего князя Меншикова и настала, наконец-то, пора вполне ясных отношений к турецким военным и купеческим судам, которые бороздили волны Черного моря бок о бок с русскими, но за действиями которых предписывалось только «наблюдать».

И вот целое лето, с тех пор как прибыл в мае на пароходе «Громоносец» Меншиков из Константинополя после неудачных переговоров с турецкими министрами, только и делали, что «наблюдали».

Для этого от берегов Кавказа и до самого Босфора рассыпаны были небольшими отрядами крупные и мелкие суда. Но нести эту дозорную службу долгое время можно было только при помощи пароходов, которые и во время полного штиля имели способность подходить близко к парусным сторожевым судам и перекачивать на них шлангами пресную воду. Иногда же бочки с пресной водой спускались ими просто в море, а потом уж эти бочки пригоняли на буксире спущенные с судов шлюпки.

Тем же порядком, в бочках, доставлялась и зелень для команд и солонина, и часто бывало так, что офицерский стол ничем не отличался от стола матросов.

Скучно было. Время заполнялось главным образом учебной стрельбой, но что делалось в мире, об этом в открытом море неоткуда было узнать. Можно было только гадать, догадываться, делать разные смелые предположения до тех пор, пока из Севастополя не приходили другие суда на смену сторожевым и не привозили свежие новости и газеты.

Однако вплоть до поздней осени ни из этих свежих новостей, ни из газет, ни даже во время стоянки в Севастополе, когда чинились суда и запасались провизией и водой, все-таки нельзя было узнать определенно, начнется ли в этом году война или европейские дипломаты сделают все, чтобы она не возникала.

Что за спиною турецкого правительства стоят английские и французские министры, это уже было известно; важно было знать, крепко ли стоят они. По всем признакам видно было, что стоят достаточно крепко. В октябре, 9/21 числа, Меншиков послал из Севастополя к берегам Анатолии эскадру Нахимова из четырех линейных кораблей, фрегата и брига. В предписании, полученном при этом Нахимовым от светлейшего, говорилось:



Адмирал П. С. Нахимов.

«По сведениям из Константинополя между прочим сделалось известным, что турецкое правительство дало наставление своим крейсерам, по миновании сего 9/21 октября, в случае встречи с русскими, и буде они в меньших силах, атаковывать их. Так как известие это неофициальное и, следовательно, со стороны нашей не должно быть принято за разрыв, а между тем такое распоряжение турецкого правительства, буде оно справедливо, может подвергнуть наших крейсеров внезапной атаке, то, в предупреждение сего, я предписываю: 1) пароходу «Бессарабия» находиться в вашем отряде; 2) вашему превосходительству распространить свое крейсерство к Анатолийскому берегу, между мысом Керемпе и портом Амастра, так, чтобы быть на пути сообщения между Константинополем и Батумом. Эскадра ваша может подходить на вид берегов, но не должна без повеления высшего начальства или открытия неприязненных действий со стороны турок вступать с ними в дело...»

Это предписание заканчивалось тем, что все русские суда, разбросанные в море, должны были стянуться к эскадре Нахимова. Став, таким образом, во главе больших уже морских сил, Нахимов предупреждал всех командиров судов, какой линии поведения им надо держаться:

«Так как Россия не объявляла войны, то при встрече с турецкими судами первый неприязненный выстрел должен быть со стороны их; те же турецкие суда, которые на это решатся, должны быть уничтожены. Я убежден, что в случае разрыва между Россией и Турцией каждый из нас исполнит свое дело».

Все флотские офицеры отметили тогда тон обращения Нахимова к командирам судов. Вице-адмирал не парил где-то в малодоступной выси и не гремел оттуда жесткими словами приказа; он не отделял себя ни от командиров, ни от экипажей своих судов; он «был убежден» во всех точно так же, как и в себе. Он оставался верен себе и теперь, когда наступали грозные дни испытаний. Другим никто и не представлял себе Нахимова; иначе, за что бы так любили его не офицеры только, но и матросы, называвшие его «отцом»?

Октябрь, как обычно на Черном море, был очень бурный; часто дул норд-ост большой силы, качавший огромные корабли, как рыбачьи лодки. Между тем эскадра Нахимова держалась, как и было ей предписано: в виду анатолийских берегов; вся ширина Черного моря лежала перед ней, отделяя ее от родной бухты.

Ветер бушевал кругом по нескольку суток подряд; лили дожди; замороженные паруса рвались; леденели палубы, так что на них невозможно было держаться при сильнейшем крене судов; иногда свирепые смерчи крутились и двигались по морю с большой быстротой; матросы и офицеры выбивались из сил, борясь не с врагами России, а только с разгулявшимися стихиями...

Но в конце октября впервые прозвучало и слово «враги». Из Севастополя пришел корвет «Калипсо» и привез от Меншикова весть, что враждебные действия на Дунае со стороны турок начались: из турецкой крепости Исакчи обстреляли продвигавшуюся вверх по Дунаю небольшую флотилию мелких русских судов, причем был убит командовавший этой флотилией капитан 2-го ранга Варпаховский, а вслед за тем турки перешли на правый берег Дуная и заняли селение Калафат, — «так что следует считать, что война не только объявлена турками, но уже идет. Поэтому и русской эскадре вменяется в обязанность задерживать турецкие военные суда, если они не будут оказывать сопротивления; если же будут сопротивляться и вступать в бой, — уничтожать их».

Однако что касалось купеческих судов, то их приказано было пока не трогать и ждать особого распоряжения на этот счет. Неопределенность положения все-таки, значит, оставалась; она должна была замениться ясностью только теперь, с получением манифеста из Петербурга. Кстати, точно нарочно для этой именно цели выдался ясный, тихий и очень теплый день.

Глава из романа «Синопский бой».

Роман этот является прологом к эпопее «Севастопольская страда» и построен на материале, не вошедшем в эпопею.

2

В приказаниях Нахимова действительно была полная ясность, тем более что они не носили названия «секретных», или «тайных», и даже совсем не были похожи на приказания.

«Отец» матросов и младших офицеров остался самим собою — у него был свой стиль. Бумажки, выданные в штабе флагмана мичманам, были такого содержания:

«Не имея возможности за крепким ветром и большим волнением передать на суда вверенного мне отряда копии с манифеста объявления войны Турциею, я передаю их теперь и предлагаю г.г. командирам приказать священникам прочитать их при собрании всей команды:

«Имею известие, что турецкий флот вышел в море с намерением занять принадлежащий нам порт Сухум-Кале, и что для отыскания неприятельского флота отправлен из Севастополя с шестью кораблями генерал-адъютант Корнилов. Неприятель не иначе может исполнить свое намерение, как пройдя мимо нас или дав нам сражение.

«В первом случае я надеюсь на бдительный надзор г.г. командиров и офицеров; во втором — с божьей помощью и уверенностью в своих офицерах и командах — я надеюсь с честью принять сражение. Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика.

«Уведомляю г.г. командиров, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело».

Не «приказываю», а «надеюсь»; не «предписываю», а только «высказываю свою мысль, не распространяясь в наставлениях»; и в заключение: «совершенно уверен, что каждый из нас сделает...»

Небо было чистое, голубое; на море почти штиль. Оно не успокоилось совершенно, но зыбь была уже мелкая и сверкала под ярким солнцем, как битое стекло. Высокие гористые берега Анатолии, ничем не отличавшиеся издали от берегов Кавказа, перед тем несколько дней подряд заволоченные то дождем, то туманом, то низко лежащими тучами, теперь имели вымытый, праздничный вид и изумляли богатством и нежностью красок. И совершенно как-то не хотелось верить, что красивые берега эти — враждебные берега.

Мичманы были народ крепкий, по-молодому энергичный, влюбленный и в море и в Нахимова как в великого знатока и моря и морской службы, такого несравненного знатока, похвала которого способна была поднять каждого из них до небес.

Даже, пожалуй, мало было сказать о нем знаток: иной знаток мог быть высокомерен, холоден, пренебрежителен к тем, кто не успел еще стать знатоком. Нахимов же был не только знаток, но еще и поэт-моряк.

Для него незнание дела было нелюбовью к делу, а нелюбовь к делу — все равно что безнравственность, преступление; если же он сталкивался с небрежностью, то это в глазах его было не чем иным, как нарушением присяги — совершенно бесчестным поступком.

Он был строг ко всяким неисправностям по службе, но все видели, насколько был строг он к самому себе, и все знали, что эта строгость необходима в море, что море не шутит с теми, кто надумает не в добрый час пошутить с ним.

Биографии Нахимова тогда не было в печати — он был слишком скромен для того, чтобы иметь биографов,— а в послужной список его попадали только казенные, скупые фразы о том, где он проходил службу, когда и какой получил чин или орден. Но от старших моряков к младшим переходили рассказы о Нахимове, и каждый из мичманов, явившихся в этот ноябрьский день на флагманский корабль, их знал.

Так, известно им было, что случилось в Балтийском флоте лет двадцать назад, когда Нахимов был командиром фрегата «Паллада», образцового фрегата, построенного на верфи в Охте под личным его наблюдением.

Изобилие шхер и вечные туманы делают плавание на Балтике несравненно более трудным делом чем на Черном море; и вот, в бурную августовскую погоду, притом поздно вечером, шла крейсировавшая под командой вице-адмирала Беллинсгаузена большая эскадра из семи линейных кораблей, семи фрегатов и нескольких бригов; в числе семи фрегатов была «Паллада». Эскадра шла вблизи Дагерорда, где был маяк; однако маяка не было видно из-за низко спустившихся густых туч, а место это считалось опасным ввиду подводных камней.

На вахте «Паллады» стоял тогда лейтенант Алферьев, но командир фрегата слишком хорошо изучил Балтийское море, чтобы положиться только на своего лейтенанта и успокоиться. Он не полагался даже и на командира эскадры, хотя Беллинсгаузен считался весьма опытным моряком, некогда совершившим плавание к Южному полюсу. Он неустанно смотрел в сторону берега: не покажется ли маяк.

И маяк блеснул — раз, два, три; потом его снова затянуло тучами. Но Нахимов успел все-таки благодаря этим коротким миганиям маяка определить место, на котором находилась эскадра, и, к ужасу своему, убедиться, что она идет прямо на камни.

В это время сменяется лейтенант Алферьев (была уже полночь), и Нахимов с ним вместе еще раз проверяет по карте свой вывод и видит, что вывод верен. Но он всего только капитан 2-го ранга, а вице-адмирал Беллинсгаузен — старик очень крутого нрава. Чтобы предотвратить аварию, нужно сделать сигнал: «Эскадра идет к опасности!» Но это будет проступком против дисциплины: штаб-офицер не смеет учить вице-адмирала, что ему делать в море.

Наконец, с минуты на минуту можно ожидать, что на адмиральском корабле будет поднят сигнал о перемене курса... Но минуты идут за минутами, никакого сигнала на адмиральском корабле не видно — и Нахимов приказал сделать то, что нужно было сделать: сигнал был дан, и фрегат «Паллада» поворотил в сторону, а за ним, разобрав грозный сигнал, повернула и вся эскадра, кроме корабля «Арсис», который весьма недолго шел прежним курсом и пушечными выстрелами донес адмиралу о своем бедствии: на нем не разглядели сигнала «Паллады» или не сочли нужным с ним считаться.

«Арсис» сел на камни; дно его было пробито. Чтобы помочь ему сняться, пришлось сбросить в воду все орудия его верхней палубы и срубить мачты. Только через два дня удалось стащить его и на буксире отправить в Або. Оказалось, что еще два корабля могла бы постигнуть участь «Арсиса», если бы Нахимов поколебался дать сигнал и запоздал бы с ним на несколько минут: днища кораблей этих уже скользили по обочинам камней, когда делали поворот на новый курс.

Так спас этот поэт-моряк Балтийскую эскадру. Но года через два после того переведен он был в Черноморский флот к адмиралу Лазареву, под командой которого сражался на «Азове» в Наваринском бою. На Николаевской верфи строился под наблюдением Нахимова корабль «Силистрия», и сам он был назначен командиром этого корабля.

Новый корабль участвовал в обычном практическом плавании, в котором ничто не грозило аварией, в ясный день и на глубокой воде. И все-таки случилась авария: другой корабль, «Адрианополь», выполняя эволюцию вблизи «Силистрии», был так неудачно повернут, что предотвратить столкновение его с «Силистрией» оказалось невозможным.

Нахимов был наверху, на юте; он успел только скомандовать: «С крюселя долой!», чтобы люди при столкновении не попадали в море. По этой команде матросы и офицеры бросились вниз, в сторону, противоположную той, которая была под ударом «Адрианополя», сам же командир как стоял на юте, так и остался.

«Адрианополь» шел полным ходом на «Силистрию».

— Павел Степаныч! Ради бога, сойдите вниз! — кричал старший офицер «Силистрии» своему командиру, но Нахимов только поглядел на него и махнул кистью руки.

Настал страшный момент: «Адрианополь» врезался в борт «Силистрии»... Полетел вниз раздавленный двенадцативесельный катер, закачались мачты, рухнула стеньга, обломки снастей посыпались около Нахимова, и только благодаря счастливой случайности он отделался небольшим ушибом плеча.

И весь вечер, и всю ночь, и целое утро экипаж «Силистрии» работал, исправляя повреждения, и всеми работами бессменно руководил сам Нахимов.

Но вот работы кончены, поднят сигнал «Повреждения исправил», и старший офицер нашел момент спросить:

— Павел Степанович, скажите мне все-таки: отчего же вы не сошли с юта?

— Как же так, помилуйте-с, отчего не сошел! Что же тут непонятного-с? — удивился Нахимов. — Это ведь всего только несчастный случай, а если бы вдруг сражение-с? Что же я и во время сражения должен уходить с юта? Нет-с, на то я и командир, чтобы быть всегда на своем месте и команде подавать пример... С кого же пример будет брать команда, скажите на милость, если командир сбежит от опасности?

Но за панибрата с опасностью был он и в свои молодые годы, задолго до того, как сделался командиром корабля.

В 1824 году, двадцатидвухлетний лейтенант, отправился он в кругосветное плавание на фрегате «Крейсер», которым командовал Лазарев. Цель плавания этого была охрана русских владений в Северной Америке.

Фрегат шел Южным океаном при очень бурной погоде. Его трепало так, что один матрос упал со снастей в воду. Кто тут же бросился спускать шлюпку, чтобы спасти матроса? Лейтенант Нахимов. Шлюпка была спущена с подветренной стороны фрегата, и вот Нахимов огибает судно, чтобы поспеть туда, где еще мелькает в волнах голова борющегося за свою жизнь матроса. Но налетает сильнейший внезапный шквал с ливнем, и шлюпка с Нахимовым уносится, исчезает из глаз, а на фрегате вся команда занята стала тем, чтобы сберечь судно: поставить паруса, как это требовалось моментом. Не меньше как полчаса прошло в напряженнейшей работе, а тем временем прояснилось и вспомнили, наконец, о шлюпке.

И сам Лазарев и другие офицеры смотрели в зрительные трубы, не покажется ли где, хотя бы килем кверху, злополучная шлюпка; смотрели и матросы с марса; смотрели час, два, три... Шлюпки не было. Ясно! погибла она вместе с храбрым лейтенантом и шестью гребцами при нем, так же как погиб упавший матрос.

Стало вечереть, темнеть, и Лазарев отдал приказ продолжать плавание. Паруса уже начали наполняться ветром, как вдруг один зоркий унтер-офицер с салинга закричал:

— Вижу катер! Вижу катер!

Фрегат пошел навстречу шлюпке, и Нахимов со своей небольшой командой был спасен. Все были мокры с головы до ног, все успели почти оледенеть, но, по крайней мере, выхвачены из пасти океана живыми. А волнение было до того сильным, что шлюпку, так героически выдержавшую бурю, разбило о борт фрегата, когда ее поднимали на боканцы.

Радость Лазарева была безмерна: очень любил он и ценил молодого лейтенанта. И в Наваринском бою Нахимов вполне оправдал эту любовь и доверие со стороны своего командира, когда был под его начальством на корабле «Азов».

Наваринский бой стал боевым крещением не одного Нахимова: тогда на «Азове» же вместе с ним были и мичман Корнилов, теперь вице-адмирал, и гардемарин Истомин, теперешний командир корабля «Париж», капитан 1-го ранга.

«Азову» пришлось сражаться с несколькими турецко-египетскими судами, и от его метких выстрелов взлетел на воздух флагманский корабль египетской эскадры, затонули еще два фрегата и корвет, уничтожен флагманский корабль тунисского адмирала, наконец, сбит на мель и потом зажжен восьмидесятипушечный турецкий корабль... И признанным героем дня на «Азове» был тогда Нахимов. Он, молодой еще лейтенант, умел уже, как никто другой, и воспитывать и обучать матросов.

Как и чем? Линьками, как это было принято во флоте? Нет. Ни с кем из офицеров не чувствовали себя матросы так свободно, как с Нахимовым.

И всем известен был случай, когда Нахимов, будучи командиром «Силистрии», по-

лучил замечание от только что переведенного из Балтийского в Черноморский флот вице-адмирала Чистякова за то, что на его корабле оказался один не чисто выбритый матрос.

— Ты почему же не выбрился как следует? — спросил Нахимов матроса, когда адмирал сошел с корабля.

— И ведь хотел же было выбриться сегодня, да, признаться, жена отговорила,— смущенно объяснил виноватый, который был всегда на лучшем счету как старый, опытный баковый матрос.

— Вот видишь ли, друг мой, как бывает: жена твоя говорит тебе одно, адмирал же — совсем другое,— спокойно сказал Нахимов.— Раз начальство требует, чтобы бриться, так ты уж жену не слушай, а сейчас же ступай и обрейся как следует; не такой это большой труд.

На другом судне, у другого командира, матрос, подведший его под замечание адмирала, был бы нещадно избит линьками, а Нахимов приказал даже своим подчиненным, чтобы виновного никто и пальцем не тронул.

В то суровое время и об офицерах так не заботилось начальство, как Нахимов о матросах.

Однажды, уже в адмиральском чине, Нахимов командовал отрядом судов у берегов Кавказа. Став на якорь против небольшого укрепления Суваши, он отпустил офицеров на берег. Тут узнали они, что в лазарете лежит лейтенант Стройников, офицер корвета «Пилад», заболевший рожей.

Пошли проведать Стройникова. Он был без денег, без необходимых вещей, под маской из толстой синей бумаги, в солдатском белье. Стройников жаловался, что несколько дней не пил чаю, и просил прислать ему чаю и сахару.

Вернувшись, офицеры доложили об этом Нахимову. И как же забеспокоился тот об участи лейтенанта чужого отряда!

— Много ли у нас денег? — спросил Нахимов своего адъютанта, ведавшего расходами, так как сам он никогда не занимался этим.

— Всего-навсего только двести рублей,— ответил адъютант.

— Ну, что же-с, вот и пошлите-ка ему все двести! — приказал Нахимов. — Пошлите также ему белья, чаю-сахару, лимонов, провизии, какая найдется.

— Павел Степанович, и лимонов и провизии у нас теперь очень мало,— возразил адъютант, — и достать здесь нам этого будет негде.

— Лучше уж мы обойдемся, а больному надо-с!

И деньги, и чай-сахар, и лимоны, и провизия, и белье были тотчас же отправлены Стройникову, но Нахимов не ограничился этим.

Когда эскадра снялась с якоря и отправилась дальше, он приказал направить свой крейсер «Кагул» на сближение с корветом «Пилад», которому был дан сигнал «Подойти для переговоров».

«Пилад» подошел, и командир его явился на «Кагул» с рапортом.

Приняв рапорт, спросил Нахимов очень сухо:

— Скажите-с, вы как же это бросили своего больного офицера на берегу, почти что на произвол судьбы-с?

— Развело тогда сильную зыбь, поэтому поторопились отойти от берега, — объяснил командир «Пилада».

— Однако несколько дней уже лежит он там, и вы о нем не вспомнили-с! Как же это так, а?.. Стыдно-с! Срам-с!.. Я человек холостой, одинокий, и это скорее мне позволительно было бы иметь такое черствое сердце, а не вам — отцу семейства-с! Ведь у вас есть уж на возрасте сыновья-с... Что если бы с одним из ваших сыновей так поступили? Заболел бы он на корабле — его бы и сбросили на пустой почти берег... Хорошо бы это было, а?.. Прощайте-с, больше я ничего не имею вам сказать!

Но, ничего больше не сказав командиру «Пилада», он тут же распорядился перевезти Стройникова для лечения в Севастополь на шхуне из своего отряда.

Все мичманы знали и то, что унтер-офицер, который разглядел шлюпку с Нахимовым в Южном океане и тем спас жизнь ему и шестерым матросам-гребцам, потом получал от Нахимова ежегодную пенсию.



На уроке русского языка в неполной средней школе села Мокино Кировской области.
Фото А. Узлян.

Лев Озеров

ДОРОЖНОЕ

Я люблю гудок в ночи,
Гулкий и недлинный.
Прогудит, и замолчит,
И уйдет в долины.
И долины полным ртом
Отзовутся долгим,
Выразительным гудком.
С Камы или Волги
Пароход, ушедший спать,
В ночь зевнет устало.

Перекликнутся опять
Дальние составы.
Их пространство породнит
Над июльской ширью,
Будто бы они одни
Подружились в мире,
Будто бы они давно
Этой встречи ждали.
Я люблю смотреть в окно
В подвижные дали:

Лес и горы тут и там —
Мимо, мимо, мимо...
И мелькает по стволам
Силуэт любимой —
Мимо, мимо — в темноте.
Отзовись, родная!..
Поезда в ночи, и те
Друг о друге знают.

Ив. Дремов

ТУРУХАНСКАЯ НОЧЬ

День догорел полоской тонкой меди.
Ночь придавила снежные пласты.
Над балками угрюмо, как медведи,
Ревут метели и гудят кусты.
Заметены дорожки и тропинки.
Трещат по рекам сдавленные льды.
К теплу жилья и к огоньку лучинки
В сугробах свежих тянутся следы.
Медвежьей шкурой обвисает крыша.
Горят в печи лежалые дрова.
А за окном устало кто-то дышит,
Ступая сквозь пургу едва-едва.
Открылась двер. Из темноты суровой
С теплом лучистым из-под чутких век
В обледенелой куртке рыболова
Вошел насквозь продрогший человек.
Он шапку снял. И по-сыновьи, низко,
Всем поклонился и присел за стол,
И по усам в морозных жестких искрах
Ладонью твердой медленно провел.
Слепящим снегом рамы запушило.
Вспотели окна. Струи по стеклу.
Угрюмые лесные старожилы
Придвинулись к широкому столу.
И словно небо яркое востока
Сквозь легкие сквозные облака —
Вдруг вешним солнцем Грузии далекой
Затеплилась лачуга рыбака.
Он говорит. И все пред ясным взглядом
Застыли, наклоненные вперед.
И всем казалось: неоглядным садом
Тайга, шумя, за окнами цветет...
Всплывает утро отсветом багровым,
Лежат сугробов дымные валы.
Уходят рыбаки и звероловы,
Задумавшись...

Из синей полумглы,
Над круглою нехоженой поляной,
Где буря снежные крутила жернова,
Как поседевшие от горя великаны,
Встают обвешанные снегом дерева.
Иная жизнь пришла к таежным рекам...
Былые дни забыли рыбаки,
Но имя горного простого человека
Не сходит с губ... И помнят старики:
Вот здесь, низами и тропой сосновой,
К лучинке, золотившейся во мгле,
В обледенелой куртке рыболова
Он проходил по каторжной земле.

И. Шаморикова

ГЕНИАЛЬНЫЙ СЫН ВЕЛИКОГО РУССКОГО НАРОДА

Далекое Северное поморье. Большая река Северная Двина при впадении в море разветвляется на множество рукавов. Этими рукавами образован Курострова. На Курострове стоит деревня Денисовка. Отсюда виден город Холмогоры.

В Денисовке жил крестьянин Василий Дорофеев Ломоносов. Он женился на Елене Сиваковой. В 1711 году от этого брака родился Михаил Васильевич Ломоносов.

Трудовую жизнь Михаил Ломоносов начал рано.

Десятилетним мальчиком пошел он на работу вместе с отцом.

Устье Двины лежало на Великом водном пути. Близ Холмогор была верфь, строились суда. На побережье Белого моря развивались промысла. Ломоносов работал на промыслах. Он видел деятельную жизнь, чудесное северное сияние, незамерзающую воду Гольфстрема, морские приливы и отливы, ледяные горы океана.

Крестьянин Иван Шубной научил Ломоносова грамоте. У соседа Дудина Ломоносов нашел две книги: грамматику Мелетия Смотрицкого и арифметику Магницкого,— выучил их наизусть и впоследствии называл эти книги «вратами своей учености».

Пытливый, наблюдательный юноша тянулся к знаниям. Отцовский дом показался ему тесным. Наука звала его к творчеству.

За рыбным обозом зимою по древнему крестьянскому пути пошел он в Москву учиться.

На Никольской улице, при Заиконоспасском монастыре, была Словено-греко-латинская академия. Крестьянских детей в нее не принимали. В Академии учились только дворяне. Ломоносов выдал себя за дворянского сына из города Холмогор. Двадцатилетним юношей сел он за парту рядом со «школьниками — малыми ребятами». Три копейки в день получал он, чтобы не умереть с голоду.



Барельеф на памятнике М. В. Ломоносову в Ленинграде.

Счастливый случай помог Ломоносову выбраться на большую дорогу большой науки. Он был отправлен сначала в Петербург, в гимназию при Академии наук, а потом заграницу. Заграницей Ломоносов изучил математику, физику, химию, механику, металлургию, философию, историю и многое другое.

Деятельность его была необыкновенно разнообразна и продуктивна. Он был богатырем мысли, воплощением творческой народной силы. Ломоносов на столетия опередил свое время.

Нужна была наука для развития страны — Ломоносов основал эту науку. Нужна была новая литература — он создал эту литературу. Нужен был живой, богатый и понятный народу литературный язык — он дал его. Он брался «вечною ночью помрачные вещи и деяния выводить на солнечную ясность», прогонял темные силы, сковывающие развитие общества.

Заслуги Ломоносова в науке неисчислимы. Он первый установил физический закон сохранения вещества и выразил его ясно и просто: если к одному телу что-нибудь прибавится, то столько же отнимется от другого.

Он создал первую в России химическую лабораторию, поставил химию на научные основы, связал химию с математикой. Ломоносов положил начало изучению физической химии. То развитие, которое получила физическая химия в наше время, показывает, как ясно предугадал Ломоносов направление развития химии. Он утверждал, что химия должна служить «философскому познанию тайн природы».

Он создал механическую теорию теплоты и опередил в этой области науку не меньше как на полтораста лет.

Больших научных высот достиг Ломоносов в метеорологии, металлургии и во многих других науках.

Ломоносов был первым русским профессором в Петербургской академии наук. Он учредил Московский университет, теперь этот университет навеки связан с его именем. И сам Ломоносов, по утверждению Пушкина, является «первым нашим университетом».

Ломоносов всегда стремился к тому, чтобы научные достижения воплощались в жизнь, чтобы наука служила народу. Ученым он отводил большое и почетное место, он ставил их во главе всего прогрессивного движения. Он говорил, что ученые в России нужны для развития «горных дел, фабрик, сохранения народа, архитектуры, правосудия, исправления нравов... земледельства и познания погод, военного дела» и для многого другого.

Ломоносов заботился о том, чтобы в России была своя интеллигенция. Однажды немец Тауберт, сослуживец Ломоносова по Академии, высказался против развития среднего и высшего образования в России. Тауберт недоумевал: зачем России нужны гимназисты и студенты? Ломоносов отвечал: «...У нас нет природных россиян ни аптекарей, да и лекарей мало, также механиков искусных, горных людей, адвокатов и других ученых и нижде самых профессоров в самой Академии и других местах...»



Ломоносов — ученик Словено-греко-латинской академии.

Ломоносов призывал молодежь учиться, овладевать науками. В оде 1747 года он писал:

«О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих,
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля раждать».

Ломоносов мечтал о том времени, когда из наших университетов «произойдут многочисленные Ломоносовы».

Его девизом было:

«Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно».

Ломоносов считал Россию богатейшей страной. Он знал, что русская земля хранит неисчислимые сокровища.

С. Киров в докладе на объединенной IV областной и городской ленинградской конференции ВКП(б) говорил:

«Еще Ломоносов в свое время звал на Север посмотреть, что там делается. Этот проницательный человек, который жил 200 лет тому назад, сокрушался: «По многим доказательствам заключаю, что и в северных земных недрах пространно и богато царствует натура, и искать оных сокровищ некому!» «А металлы и минералы, — добавлял Ломоносов,— сами на двор не придут. Они требуют глаз и рук в своих поисках». Я думаю, что все наши просвещенные организации, начиная с Академии наук, и все практические работники должны последовать примеру Ломоносова и действительно ногами и руками прощупать все, что имеется в этом богатом и обширном крае» («На историческом рубеже между первым и вторым пятилетним планом», стр. 23. Партиздат. 1932).

Указывал Ломоносов и на необходимость освоения Арктики. Он мечтал о том времени, когда

«Колумбы Российские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава».

Эта мечта Ломоносова успешно осуществляется в наше время отважными сталинскими летчиками и полярниками.

Ломоносов велик не только в науке: он велик и в искусстве. Пушкин говорил, что Ломоносов был основателем словесности нашего отечества.

По определению Белинского, Ломоносов был «Петром Великим русской литературы».

В «Очерках по истории русской критики» (т. I, стр. 9) Анатолий Васильевич Луначарский писал: «Литература и критика до Ломоносова представляют собой лепет, так сказать, доисторический, младенческий, а век... Ломоносова можно считать детством нашей литературы».

Ломоносова привлекала общественная, государственная, героическая тематика. Поэзию он сблизил с жизнью. Сделал ее средством пропаганды естественно-научных и философских идей. В своих одах он воспевал науки, необходимые для процветания России, агитировал за науку. В оде «Какую радость ощущаю» Ломоносов показывает величественное шествие наук, несущих драгоценные дары человечеству. Поучительно стихотворение «О пользе стекла». В нем перечислены все виды применения стекла в науке, в технике, в быту. Наука и поэзия у Ломоносова сливаются воедино.

Наука была самой задушевной мелодией его поэтической лиры. Он писал целые обращения к науке, вроде оды «На восшествие на престол императрицы Елизаветы Петровны», он составлял гимны науке, умел сочетать в своей деятельности пламенное вдохновение поэта и энтузиазм ученого, восхищался природой как поэт и исследовал ее как ученый. В оде «Утреннее размышление о божием величестве» Ломоносов изложил яркими художественными красками сущность законов строения космоса:

«Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И божия дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков зиждитель сам!
Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к Солнцу бренно наше око
Могло приближившись возреть:
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно океан».

Описывая северное сияние в стихотворении «Вечернее размышление о божием величестве», Ломоносов излагает свои гипотезы, объясняющие это явление. Пытливость, наблюдательность ученого сливаются здесь в единое гармоническое целое с лирической теплотой поэта:

«С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огнь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!
. . . .
Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал Зефир,
И гладки волны бьют в ефир».

Сам Ломоносов говорил, что его ода о северном сиянии, написанная в 1743 году, содержит его давнишнее мнение, что северное сияние является результатом движения эфира.

Ломоносов боролся с мракобесами, изуверами, хулителями науки, душителями просвещения. Против реакционеров, хищников, с елейной внешностью, благообразной бородой, он написал острую сатиру «Гимн бороде». Воспевая «бороду» в тоне сатирического пафоса, Ломоносов обличает защитников темноты, невежества, дикой старины:

«О коль в свете ты блаженна,
Борода — глазам замена!
Люди обще говорят
И по правде то твердят:
Дураки, врали, проказы
Были бы без ней безглазы,
Им в глаза плевал бы всяк;
Ею цел и здрав их зрак.
. . . .
О, прикраса золотая,
О, прикраса дорогая,
Мать дородства и умов,
Мать достатков и чинов,
Корень действий невозможных,
О, завеса мнений ложных!
Чем могу тебя почтить,
Чем заслуги заплатить?»

Ломоносов — великий поэт-новатор, поэт, заложивший основы новой поэзии, указавший новое направление ее развития по пути тонического стихосложения. Ломоносов создал первый образец русского полнозвучного ямба.

Замечательна созданная им теория трех стилей: высокого, среднего и низкого. Его рассуждение «О пользе книг церковных в российском языке» произвело целую революцию в науке о языке. Ломоносов доказал преимущества живого русского языка перед книжным старославянским и ограничил употребление старых, отживших слов.

Дворянство отгораживалось от народа языком вычурным, устаревшим, сложным, запутанным.

Ломоносов сознавал, что без революции в языке не может развиваться самостоятельная русская наука и литература. Он преобразил русский язык для того, чтобы достижения науки и литературы стали достоянием народа.

Ломоносов восхищался мощью и красотой русского языка. В посвящении «Российской грамматики» он говорит, что нашел в своем родном языке «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Ломоносов утверждал, что русский язык велик, это — безмерное поле или, лучше сказать, море, едва пределы имеющее. Напрасно некоторые сваливают свою беспомощность на язык, говорил Ломоносов. Если кто точно не может изобразить свою мысль, то виноват тут не язык, а неумение пользоваться им.

Помимо поэтических произведений Ломоносов написал большое количество публицистических статей на очень актуальные, важнейшие темы. Таковы, например, его статьи: «Об исправлении земледелия», «Об исправлении и распространении ремесленных дел и художеств», «Об лучшей государственной экономии», «Об истреблении праздности».

Деятельность Ломоносова необыкновенно разнообразна и продуктивна, многогранна и грандиозна. Он был воплощением творческой силы народа.



М. В. Ломоносов.

Народ во времена Ломоносова находился под гнетом царизма и под ярмом крепостничества. Но ничто не сломило его богатырской мощи. Народ таил в себе неисчерпаемую силу и проявлял ее через своих гениальных сынов. Самоотверженная борьба Ломоносова за науку и искусство является одним из проявлений героических черт великого русского народа.

Эпоха, в которую жил Ломоносов, была одной из самых мрачных в истории послепетровской России. Гнет крепостничества усиливался. Дворяне-помещики укрепляли свою власть, открыто грабили крестьянство. Народ был забит, принижен. Помещики получили право ссылать непокорных крестьян в Сибирь. Роскошная жизнь двора и высших классов дорого обходилась задавленному налогами и нищавшему крестьянству. Незадачливые преемники Петра Первого тянули Россию назад. В Академии наук сидели невежды и реакционеры. Процветало низкопоклонство и чинопочитание. Ломоносова в Академии ненавидели, третировали, указывали на его крестьянское происхождение, желая этим унизить его. Но Ломоносов держал себя гордо и независимо. Он говорил: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но неже у самого господа бога».

Силу народа нельзя сковать никакими цепями.

Белинский так говорил о первых достижениях новой русской культуры:

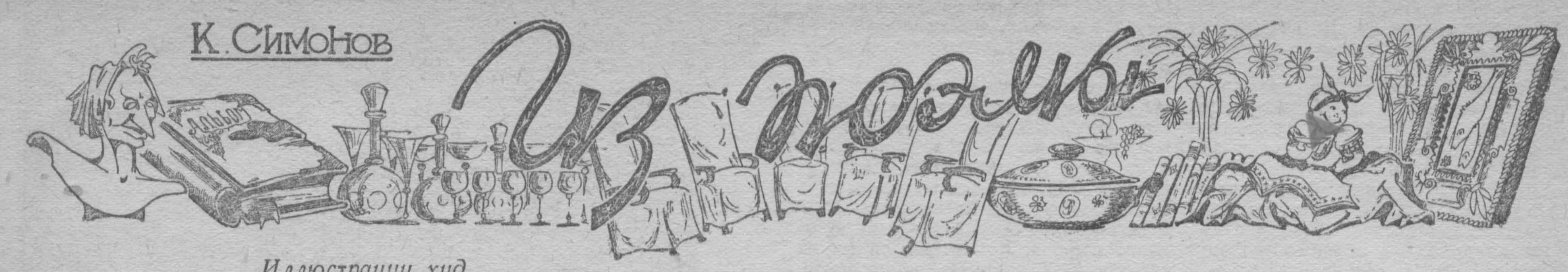
«Первые попытки были слишком слабы и неудачны. Но вдруг... на берегах Ледовитого моря, подобно северному сиянию, блеснул Ломоносов. Ослепительно и прекрасно было это явление! Оно доказало собой, что человек есть человек во всяком состоянии и во всяком климате, что гений умеет торжествовать над всеми препятствиями, какие ни противопоставит ему враждебная судьба, что, наконец, русский способен ко всему великому и прекрасному...»

Ломоносов любил свою родину, свой народ. Для народа он жил и работал. Родина и наука для Ломоносова были единым понятием, единым целым.

Трудный и суровый путь прошел Ломоносов. Ученые вельможи всеми силами старались погубить его. Его оскорбляли и унижали, прятали от народа его труды, распускали про него гнусную клевету. Но ничто не могло сломить этого титана мысли, исполина науки, величайшего поэта и писателя. Гениальный сын великого русского народа победил. Его имя славит весь многонациональный советский народ.

К. Симонов

Из поэмы



Иллюстрации худ. Мих. Милославского.

. . . .

Уже перед отъездом, только ради
Того, чтоб мать потом не огорчать,
Он два часа решился проскучать
У своего троюродного дяди.
Отец, бывало, дядю звал рвачом,
Мать говорила, что он жил богато,
Был частно практикующим врачом
В старинном закоулочке Арбата.
Альбом из плюша с медными углами,
И кресла, зябнущие под чехлами,
Буфет с безвкусно собранным, но ценным
Скопленьем ваз, графинов и горшков,
Две акуратных полки с неизменным
Набором мемуарных корешков,
И карточки интеллигентных предков,
И окна, отворяемые редко,—
Все было здесь, как из другого мира.
Он сам совсем не презирал уют,
Он сам хотел иметь потом квартиру,
Где хорошо живут, едят и пьют:
Но здесь уют был жизненною целью,
Здесь вкладывали душу в быт, в столы,
В гардины, в навощенные полы,
Здесь трепетали перед каждой щелью.
Придя со службы, запирались прочно
И жили, ждя в сочельники звезду,
Благообразно, сытно, скучно, склочно,
Совсем, как в девятьсот втором году.
В столовой кушали. Из-за стола
Навстречу гостю приподнялся дядя,
И тетя, молча, на него не глядя,
Для поцелуя руку подала.
Гость был некстати. Посреди обеда
(Он уловил последние слова)
Как раз зашла горячая беседа
Насчет того, что дворник крал дрова.
Но дядя перестроился мгновенно,
С вульгарных дров, слов: дворник, вор и двор —
Он перешел на выставку Гогена,





На интеллектуальный разговор.
В таких домах еще хранят ревниво
Запасы знаний, взятых напрокат
Из популярного журнала «Нива»
И словарей Брокгауза и Гранат.
А, впрочем, дядя был не так уж глуп
То весь в пуху, то вдруг сухой, колючий
Он, прежде чем слова слетали с губ,
Их про себя шептал на всякий случай.
Из новых слов он ввел в свой дом одно—
С ним можно было жить почти богато;
И к дому как родимое пятно
Пристало выражение «по блату».
Оно казалось дяде дорогим,
Необходимым дома и на службе,
Он раньше заменял его другим,
Приличным выражением «по дружбе».
Но, услыхав однажды слово «блат»,
Он разом оценил его значенье:
«По блату» доставать билеты в МХАТ,
Устраивать «по блату» на леченье.
Он говорил его легко, без скрипа,
С достойным выраженьем на лице.
Интеллигенты дядиного типа
Давно мечтали о таком словце.
Прервав на время словоговоренье,
Хозяйка гостю чаю налила
И пододвинула ему варенье
В розеточке из синего стекла.
Он взял розетку в простоте душевной,
Но не успел и ложки донести,
Как теткин взгляд, презрительный и гневный,
Его остановил на полпути.
Розеточка на всех одна была,
Ее нельзя своею ложкой трогать;
Чтоб есть варенье, посреди стола
Стояли блюдечки размером с ноготь;
Две ягодки с трудом войдут на блюдце,
Но для того и блюдца подаются.

Он вспомнил фибролитовый барак,
Заводские веселые складчины;
На общий стол по пять рублей с мужчины,
А кто не может, пусть приходит так.
Вдруг посреди неловкого молчанья
Явился дядин первенец, большой
Обрюзгший мальчик с круглыми плечами
С отцовской осторожною душой.
Есть мальчики, родившись на Петровке,
Являясь в детский сад на Поварской,
Учась в девятилетке на Покровке,
Ближайший вуз окончив на Тверской,
И на Цветном, усевшись в зданьи треста
На папой приготовленное место,—
Они стареют ровно в двадцать лет.
И отбывая в Сочи ежегодно,
Берут себе билет в международном,
Пять чемоданов и шотландский плед.
Маршрут их жизни на сто лет вперед —
От Сочинских до Яузских ворот.
Шла речь и обо всем и ни о чем:
Перемывали сослуживцам кости,
И сын сердито пожимал плечом,
Когда отец на жизнь ворчал при госте,
Родители смотрели на юнца
Влюбленным обнадеживавшим взглядом.
Улыбка не сходила с их лица,
Они гордились выдержанным чадом.
Но гость им не завидовал. Ему
Скорей хотелось выбраться наружу,
В похрустывающую снегом тьму,
В московскую полуночную стужу.
Здесь в мирный вечер, проведенный вместе
С четою бережливых старичков,
В любвеобильном дядином семействе,
В одном из приарбатских тупичков,
Он понял: в этой будничной войне
Ни мир, ни перемирье невозможно:
Строители на нашей стороне,
Застройщики — на противоположной.





Степь, что море широкое: вместо пенных гребней, гонимых ветром, морскими просторами ковыль колышется. В небе синем парят орлы степные, дуют ветры, разнося запах полыни.

1829 год. Степь. Кочевые кибитки. Вот он с курчавой шапкой волос, в плаще, покрытом легкой дорожной пылью, любуется девушкой. По пути в Эрзерум Пушкин посетил калмыцкую кибитку. «Все семейство собралось завтракать. Котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное вверху кибитки. Молодая калмычка собой очень недурная шила, куря табак. Я сел возле нее...»

«Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног;
По-английски, пред самоваром,
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь...»

Запряжены кони, звякнул дорожный колокольчик, тронулся возок, увозя поэта. И осталось пушкинское «Прощай, любезная калмычка».

В дневнике поэт писал: «Вот к ней посланье, которое вероятно до нее никогда не дойдет».

Спустя сто лет на подножии памятника Александра Сергеевича Пушкина в Москве мы читаем гранитные слова четверостишья:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей — калмык».

Не века прошли, только годы. По-иному зажил калмыцкий народ. Шестнадцать лет, как калмыки вошли в братскую семью республик Советского Союза, и уже кочевую кибитку заменили новые колхозные дома, созданы села-хатоны. В просторных школах, техникумах, вузах учится жизнерадостное поколение калмыцкого народа. Стихи великого поэта, столетие назад посетившего ковыльные просторы, чтит и знает теперь каждый школьник-калмык.



Строится столица Калмыкии, город Элиста. Город, возникший на песчаной равнине, украшается зелеными насаждениями, фруктовыми деревьями, кустарниками, цветами. Закончены здания двухэтажной гостиницы, туберкулезного диспансера, педагогического института.

На смену медлительным волам, верблюдам пришли многоместные автобусы «зис» и новенькие автомобили «М-1». Входит в быт и самый быстрый вид транспорта — самолет, связавший почтово-пассажирскими линиями ряд районов Калмыкии.



Колхозники — передовики Калмыкии, участники Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 года.



Ирригационные сооружения Аршань-Зельменской плотины, построенные за две сталинские пятилетки в Калмыкии, орошают 9550 гектаров.

Сегодня в степи праздник. На равнине у города за ночь выросли войлочные шатры кибиток.

Каждая кибитка (временное пристанище представителей колхозной самодеятельности) украшена коврами, портретами вождей; на столах — шахматы, журналы, патефоны.

На потемневшем небе загорелись звезды. В тишину вечера вкрался звук домр.

Вот девушка пошла в старинном танце «Чечердых». Перезванивают монеты на поясе, охватившем тонкую талию.

До поздней ночи меж кибиток перекликалось веселье. Тлели светляками костры кизяка. Юноша пел песню:

«Свет солнца украшает широкую степь. Но не это люблю я. Я люблю девушку, которая украшает и степь и солнце...»

Утром, выводя мотив калмыцкой песни, задорно играла с переборами-колокольчиками саратовская гармонь, запела скрипка, зажурчали домры. Участники самодеятельности соревновались за честь выступить в рядах лучших на республиканской олимпиаде. Каждый отстаивает честь своего колхоза.

Много песен спели колхозники. Пели о свободном труде, о колхозной, зажиточной жизни, о девушке, свободно выбирающей своего милого.

Вечером, когда спал полуденный зной, в степи собрались колхозники — участники праздника. Здесь вспомнились слова из величайшего памятника народного творчества калмыков «Джангара», пятисотлетний юбилей которого широко отмечается в мае этого года.

«Буре подобны в густой пыли,
Буйные кони скакали вдали,
Будто ветру завидовали,
Будто пугаясь комков земли,
Что по дороге раскидывали.
Будто пугаясь ударов копыт,
От развевавшихся конских волос,
Пение скрипок и гуслей неслись,
Музыка над землей звенит».

Поднимая пыль, состязались в беге колхозные кони. Всадники шли к финишу. Из сотни грудей вырвался громкий крик приветствий. Так закончился праздник в степи.



Голая степь, орошаемая водами Аршань-Зельменя, дает богатые урожаи. Колосится золотая пшеница.

В мастерских московских художников

Справа: «Портрет Хулиты Перекачо», работа худ. П. П. Кончаловского и «Портрет Е. В. и М. И. Виноградовых», работа худ. Г. М. Шегаль.





«Альпинистка». Скульптура Е. М. Абалакова. Внизу: «Петр Артамонов». Иллюстрация худ. Д. А. Шмаринова к роману М. Горького «Дело Артамоновых».



Тихий уголок Москвы — Масловка — обиталище московских художников. В нескольких новых домах со светлыми ателье живут живописцы и скульпторы столицы. На шестом этаже одного из домов в высокой башне расположена библиотека — богатое собрание книг по изобразительному искусству, альбомов, замечательных репродукций с произведений старых мастеров. В первом этаже маленький клуб. Сюда по утрам иногда собирается молодежь для студийных занятий. Здесь художники показывают друг другу новые картины, вечерами слушают лекции, происходят веселые битвы биллиардистов...

Летом квартал художников пустеет. С палитрой и этюдником уезжают художники в леса, горы, к морю — в далекие путешествия и возвращаются с этюдами, портретами, написанными на ярком солнце, насыщенными жаркими красками лета. Зимой по этюдам, набросками и зарисовкам пишутся в тихих мастерских картины, большие композиции.

В первых этажах домов художников живут скульпторы со своим тяжелым профессиональным багажом. У их дверей — обрубки дерева, огромные кадки и ящики с глиной, глыбы гранита, камня. Около входа в мастерские стоят два сердитых деревянных медведя и гипсовая лань. За дверью — ателье Ивана Семеновича Ефимова. Последняя его работа — скульптуры: четыре прелестных порывистых горных козла и оленя. Очень тонко введен в эти скульптуры маленький пейзаж: зверь удивленно обнюхивает гроздь винограда. Скоро олени уедут на юг, в Мисхор, и бронзовые стройные их силуэты будут эффектно выделяться на фоне нарядного санатория «Красное знамя».

Иван Ефимов — художник большого и яркого воображения. Он всегда в поисках нового декоративно выразительного материала. В его мастерской можно познакомиться с самыми разнообразными творческими замыслами. Он делает птиц и рыб из кованой меди, с великолепным искусством передавая своеобразие движений животных. В Третьяковской галерее многие, вероятно, видели ефимовского «Ястреба прикованного» и «Рыбу». Сейчас в мастерской стоит сделанная из меди грустная жирафа возле тонкой чинары с пятью медными ветками. Скульптора увлекают работы из фаянса. Он стремится от небольших вещей и безделушек, обычно исполняемых из этого материала, перейти к монументальным работам, показать, что и в больших масштабах фаянс может быть эффектным для ваяния материалом.

Он исполняет силуэтные портреты на декоративных досках, которые могут служить для украшения стен здания. То он делает художественные настенные блюда, сюжеты которых навеяны произведениями Овидия Назона — «Золоторунный баран», «Бизоны, борющиеся на заре». На Химкинском речном вокзале установлен изящный фонтан, исполненный Иваном Ефимовым. В струях воды резвятся девять медных дельфинов. В области художественной промышленности, декоративного искусства Иван Ефимов — неутомимый новатор. Он хочет сделать движущуюся скульптуру, задумал для южного курорта фонтан, в котором дельфины и рыбы будут действительно двигаться и нырять.

У скульптора есть еще одно увлечение — свой кукольный театр, популярный среди детской аудитории Москвы.

Заходим к соседям по этажу. Молодой скульптор Е. Абалаков любит альпинистские темы. В его мастерской — выразительный эскиз девушки. Опираясь на острие альпенштока, она спускается с высокой крутой горы.

Фонтан с двумя шаловливыми детьми, брызгающими друг на друга водой, делает по заказу Московского товарищества художников скульптор Аренд.

Мастерская молодого художника А. Морозова наполнена пейзажами Волги. Уже несколько лет из года в год ездит художник к волжским берегам и пишет реку в осенние дождливые сумерки, в жаркие дни лета, в прозрачные утренние часы. Недавно А. Морозов показал на 7-й отчетной выставке художников один из своих лучших пейзажей — «Тишина». За пейзажи А. Морозову прислали недавно почетный диплом с Парижской международной выставки.

Среди новых работ заслуженного деятеля искусств Сергея Васильевича Герасимова очень хорош армянский пейзаж. Удивительно тонко прочувствовано в нем своеобразие знойной природы Армении, ее жаркие, сухие скалы, прозрачная чистота воздуха. Красив четкий силуэт старинной маленькой церкви на скале. Удался художнику и «Колхозный подмосковный базар», написанный этим летом. Базар — праздник чудесных летних красок. В солнечный день оживленно и шумно на базарной площади. В светлых летних одеждах приехали на базар колхозники. Едут подводы, наполненные овощами. Вдали — телеги со свежим сеном. Декоративное дарование художника прозвучало в этой работе с большой силой. С. Герасимов много работает и над портретом. Интересен портрет девушки в розовом, написанный на солнце в летнем саду. Недавно им закончена новая работа — портрет заслуженного деятеля искусства Ф. Ф. Федоровского. К большой выставке 1940 года, посвященной иллюстрациям к «Краткому курсу истории ВКП(б)», С. Герасимов готовит несколько акварелей. Одна из избранных им тем — герой гражданской войны Василий Чапаев.

С берегов Каспийского моря привез много этюдов, портретов, пейзажей, жанровых зарисовок художник Владимир Одинцов. Он пишет большую картину «Киров на Каспии», хочет показать один из эпизодов известной экспедиции по перевозке горючего, организованной Сергеем Мироновичем. Художнику удалось разыскать многих свидетелей и непосредственных участников этих событий. Он беседовал с рыбаками, которые хорошо помнят Кирова. Лето Одинцов прожил в приморском колхозе имени Ильича. Местные жители много интересного рассказывали ему об участниках героической эпопеи.

В мастерской графика Д. А. Шмаринова мы увидели недавно вышедшее новое издание горьковской повести «Матвей Кожемякин». Над иллюстрациями к этой книге Д. Шмаринов работал с особым увлечением. Многие из рисунков художника просматривал при жизни Алексей Максимович Горький, который своими советами, указаниями помог художнику в его работе над образом. Герои целого ряда литературных произведений будут памятны читателю по иллюстрациям Д. Шмаринова. С большим, подлинно поэтическим мастерством показал художник среду и время, отображенные в повести Аксакова «Детские годы Багрова внука». Тонко и правдиво передал типаж литературных персонажей «Повестей Белкина». Д. Шмаринов исполнил сюиты иллюстраций к «Преступлению и наказанию» Достоевского, «Делу Артамоновых» М. Горького, много работал над историческими иллюстрациями к «Истории гражданской войны».

Сейчас мастерская художника заполнена книгами по истории Петровской эпохи. На столе интересная коллекция портретов Петра I, с большим трудом собранных у букинистов. Тема требует большой и серьезной подготовки. Уже два года художник работает над иллюстрациями к «Петру I» Алексея Толстого. Это будет серия из 24 горизонтальных больших картин. Закончены эскизы многих сцен: «Спуск корабля при дистанции в Воронеже», «Ассамблея», «Стрижка бород», «Нарвская битва», «Петр в Саардаме». Трудность работы заключается в том, что почти не сохранилось портретов молодого Петра.

Над исторической темой работает и молодой талантливый художник Леонид Танклевский. Он уже два года пишет картину «Смерть Пушкина».

Выставка «Сталин и люди советской страны» положила начало созданию портретной галереи знатных людей родины. Работу над портретом продолжают многие художники. Живописец Николай Ромадин пишет портрет молодой балерины Большого театра Галины Петровой. Художник М. Хазанов заканчивает портрет писателя А. Новикова-Прибоя, превосходный мастер акварели А. Фонвизин исполнил прелестные портреты артистки М. Бабановой в пьесах «Доходное место», «Таня», «Собака на сене».

...Тихо в ателье третьего и четвертого этажа. Многие художники столицы разъехались по национальным республикам: обменяться творческим опытом с собратьями по искусству — художниками периферии,— посмотреть их новые картины, проконсультировать молодых.

Эта творческая дружба — залог расцвета искусства всей Советской страны.

Р. КРОН.



«Олень». Скульптура И. С. Ефимова. Внизу: «Девушка на солнце». Картина худ. С. В. Герасимова.

И. Любович

ПЕРЕД ОТКРЫТИЕМ

Фото Е. Пиотрковского

Близится новый смотр побед социалистического земледелия. Скоро сказочный город садов и дворцов-павильонов заживет напряженной, шумной и радостной жизнью.

Около семи тысяч экспонентов — в полтора раза больше чем в 1939 году — продемонстрирует на стендах павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки плоды смелых дерзаний, замечательных достижений, опыт и методы своей работы. Сотни тысяч колхозников-экскурсантов выставки будут у них обучаться высокому мастерству получения стахановских урожаев и удоев.

Над оформлением новых стендов, макетов, барельефов и диорам сейчас работает свыше тысячи художников, скульпторов и выдающихся мастеров народного искусства.

В Главном павильоне впервые в этом году будут показаны натуральные экспонаты полей и садов Союза.

Оригинальный красочный стенд изобилия ввиде восьми огромных ваз, наполненных плодами и овощами, сооружается в зале МТС, колхозов и совхозов. Верхние ярусы этой замечательной композиции, венчанные тучным снопом, будут также сложены из натуральных экспонатов и обвиты лентой-барельефом на сельскохозяйственные сюжеты.

Стены этого зала будут также украшены яркими живописными панно—портретами тридцати лучших людей колхозной деревни, новаторов всех отраслей социалистического сельского хозяйства.

Большая выразительная панорама новой деревни устанавливается в заново оформляемом зале культуры Главного павильона. Панорама даст посетителям наглядное представление о счастливой и культурной жизни колхозного крестьянства.

Реконструируется павильон Казахстана. К нему пристраиваются три новых зала. Прекрасный облик обновленного павильона значительно обогатит величественный архитектурный ансамбль Площади колхозов выставки. Центр фасада образует двадцатипятиметровая колонна, у подножья которой выдвигается статуя народного акына Казахстана—Джамбула. На многоцветном, освещенном изнутри стекле рельефно выделяется ажурная резьба, в которой будет выдержан весь портал здания. Павильон украшается также цветным майоликовым фризом и барельефами.

Величественная панорама Ферганского канала имени Сталина украсит павильон Узбекской ССР.

Осматривая панораму, зритель как бы воочию увидит пленительную Ферганскую долину, цветущие хлопковые поля и виноградники, напоенные живительной влагой. Центр панорамы занимает самое крупное сооружение канала—Куйган-Ярская плотина, над которой возвышаются статуи В. И. Ленина и И. В. Сталина. У плотины—гигантское водохранилище. Канал, разветвляясь на бесчисленные арыки, проходит через всю долину и скрывается у сливающихся где-то с горизонтом гор Тянь-Шаня.

1939 год — год трудовых подвигов и героических дел талантливого советского народа — найдет яркое отражение и в павильоне Советской Арктики.

На большом, живописном панно воспроизводится исторический момент встречи судов «И. Сталин» и «Георгий Седов». Отважным седовцам павильон посвящает стенд: будет показана карта исторического дрейфа, документальные фотографии седовцев за работой, научные приборы и т. д. Большое место займет показ похода ледокола «И. Сталин», совершающего два рейса в одну навигацию: из Ленинграда до бухты Угольной и обратно.



Архитектор-художник Безверхний.

Павильон «Хлопок» в 1940 году. Проект архитектора-художника Безверхнего. Вверху: павильон «Хлопок» в 1939 году.

Центральный стенд павильона — караван судов во льдах. В макетах здесь будут представлены все орденоносные ледоколы: «И. Сталин», «Георгий Седов», «Сибиряков», «Малыгин», «Красин» и другие. Выставляется также новое живописное панно «Проводка судов во льдах Ледовитого океана».

Павильоны УССР и БССР расскажут о славных героических делах нашей доблестной Красной Армии, освободившей Западную Украину и Западную Белоруссию от гнета польских панов.

В павильоне «Поволжье» действующий макет грандиозного сооружения сталинской эпохи — Куйбышевского гидроузла — в течение двух минут (в два раза быстрее чем на выставке 1939 года) покажет работу гидростанции утром, днем, в сумерки и ночью.

В залах павильона Дальнего Востока широко представлены переселенческие колхозы. Их стенды расскажут о том, как в прошлом заброшенные места волею большевистской партии и усилиями советского народа превращены в цветущие районы. Экспонаты на открытом участке павильона ознакомят посетителей со сказочными богатствами Советского Дальнего Востока.



Сотрудница оранжереи субтропических культур тов. Глебова З. В. производит смену ленты термографа.

Замечательной фресковой живописью и скульптурой украшается главный вход павильона «Хлопок». Стены и потолки обогащаются национальными орнаментами Узбекской, Таджикской, Туркменской и других хлопководческих республик. В особом зале установлен станок для окраски тканей и разрисовки их. Тысячи образцов изделий из хлопка, сотни образцов всевозможных тканей разных рисунков и расцветки будут показаны посетителям.

В зале Сталинградской области (павильон «Поволжье») — родины движения стопудовиков — оформляется стенд, посвященный этим славным передовикам. Здесь вы увидите экспонаты и портреты зачинателей замечательного движения стопудовиков тт. Гурова и Козленкова из хутора Вишняковского на Хопре. Электрифицированная карта покажет движение стопудовиков, охватившее тысячи бригад и звеньев на Кубани, в УССР, Крыму и Сибири.

Много нового и интересного посетитель увидит в животноводческом городке выставки. В его конюшнях, коровниках, овчарнях, свинарниках будут показаны ценнейшие экспонаты животноводства. Посетителя порадуют замечательные чистокровные рысаки, выдающиеся кони-тяжеловозы, знаменитые коровы-рекордистки, бараны породы асканийский рамбулье с пудовым настригом шерсти и т. д. Верблюды из Средней Азии, мулы из Закавказья, олени с Крайнего Севера дополнят показ сельскохозяйственной фауны СССР.

Колхоз имени Сталина, Штеповского района, Сумской области, отобрал для показа на выставке 1940 года корову-рекордистку Виту, швицкой породы, давшую за четвертую лактацию 11 350 литров молока. Высший суточный удой ее — 69,5 литра — превосходит максимальный суточный удой рекордистки Ленты, получившей атестат 1-й степени на выставке 1939 года.

Многообразие пернатого стада птицеводческого городка выставки поразит посетителя. Экспонируется сорок пород и видов домашней птицы. Почти в три раза больше чем в прошлом году. Колхозники впервые увидят леггорна с ореховым гребнем. В отличие от своего собрата с листовидным гребнем он не боится морозов. Новый леггорн выведен Загорским институтом птицеводства путем скрещивания обычного леггорна с орловской курицей.

Новые интересные экспонаты будут представлены на охотничьей тропе павильона «Охота и звероводство». В многочисленных вольерах разместятся сотни зверей: еноты, голубые песцы, серебристо-черные лисицы, соболи, ондатры и другие. Впервые здесь демонстрируется боровая и водоплавающая дичь: глухари, фазаны, тетерева, куропатки, утки-кряквы, чирки и другие. Для них устроены специальные вольеры и разбиты пруды. В первый раз на выставке будет экспонирована краснозобая казарка, которая водится только в СССР. В неволе она не дает потомства. Краснозобая казарка экспортируется в европейские и американские зоопарки.

На открытой площадке павильона оформляются стенды, посвященные успехам отдельных охотничьих хозяйств и передовиков.

Обновляется растительность выставки. Весной будет высеяно триста сортов зерновых и зернобобовых культур. Из зерновых только одной пшеницы — 60 сортов.

Огромное сортовое богатство сельскохозяйственных культур покажет экспонатный участок Всесоюзного института растениеводства (ВИР). Пятьсот сортов зерновых, технических, овощных и других культур из мировой коллекции, собранных Институтом, будут выращены на этом участке.

Подготовляется участок академика Лысенко. Выращивается пшеница, превращенная путем воспитания из озимой в яровую. Экспонаты ознакомят посетителей с работой Лысенко по улучшению сортов зерновых культур способом внутрисортового скрещивания. Тут же демонстрируется переделка природы растений методом вегетативной гибридизации (прививки).

Почетное место в яровом поле выставки займут посевы выдающихся мастеров рекордных урожаев: М. Е. Ефремова, прославленного ефремовца И. Е. Чуманова и лучшей стахановки А. С. Сергеевой, собравшей в 1939 году небывалый урожай пшеницы — 101,1 центнера с гектара.

Пышным цветением прекрасных плодовых насаждений встретит посетителей выставочный сад. Участок мичуринских насаждений пополняется новыми ценными экспонатами.

На открытой территории сада устанавливаются стенды по агротехнике садоводства. Они покажут, как нужно ухаживать за молодым садом, и ознакомят посетителей с комплексом механизации работ в саду. В специальной витрине выставляется полный набор садового инвентаря.

Декоративно-цветочная флора выставочной территории в нынешнем году будет еще прекраснее и наряднее. Садоводы, агрономы и дендрологи работают сейчас над новым озеленением сказочного города. С наступлением тепла в нем появятся новые десятки тысяч деревьев и кустарников: великолепная желтая акация, жасмин, стройные дубы и липы, шелковица и карагач, чинары и саксаулы украсят территорию выставки.

Высаживаются десятки и сотни тысяч кустов роз, георгин, флоксов. Будет на миллион с лишним цветов больше чем на выставке минувшего года. Нежный аромат левкоев, душистого горошка заполнит воздух в аллеях и на площадях.

На выставке будет выращена богатейшая коллекция ценнейших мировых сортов цветов, вышедших из питомников крупнейшего в Союзе цветочно-лукового хозяйства, совхоза «Южные культуры», на Черноморском побережье, Адлеровского района. «Южные культуры» покажут свои замечательные тюльпаны, гиацинты, гибридные амарилисы, нарциссы, многочисленные виды лилий и десятки сортов роз, завоевавших мировую славу.



Гигантские агавы к открытию выставки будут высажены в открытый грунт.



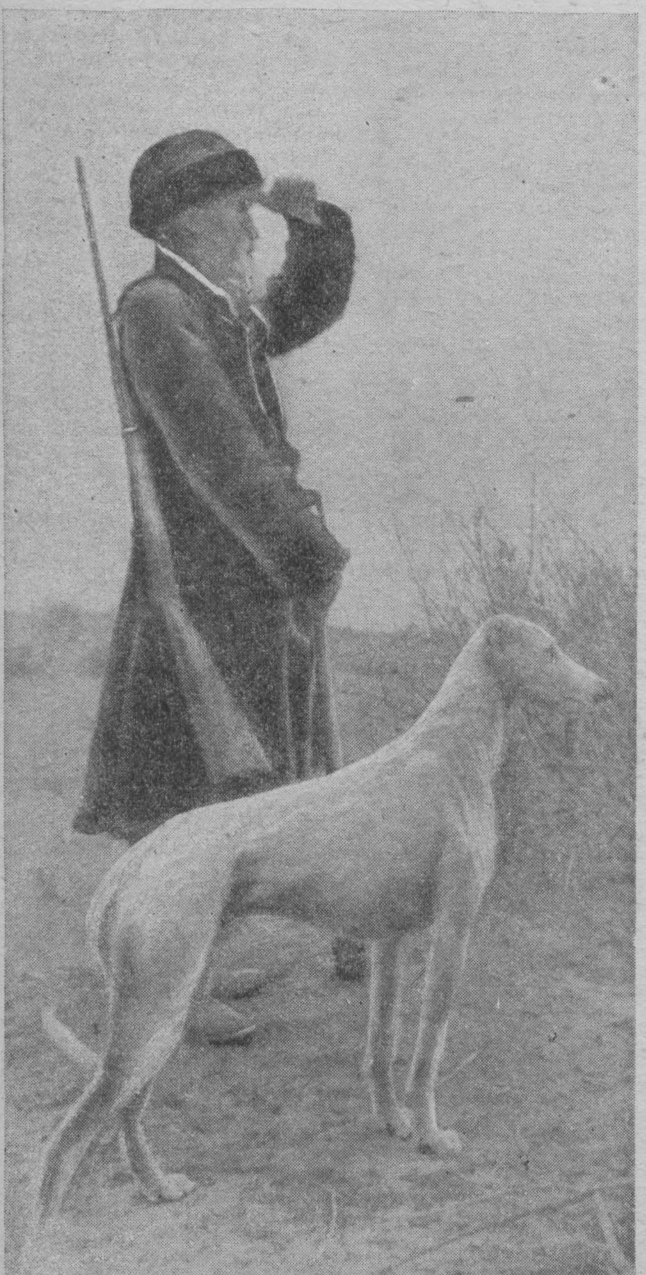
Охота в Кара-Кумах

Фотоочерк К. Коссаковского

От берегов Каспия до реки Аму-Дарьи на сотни километров раскинулись пески. Смотришь на них, и кажется, что это — застывшее море, местами переходящее в снежные горы... Кара-Кумы.

Палящее солнце и отсутствие воды лишили Кара-Кумы почти всякой растительности. Только на караванных путях изредка встречаются оазисы.

Чтобы добраться до ключей, нужно рыть колодцы на глубину 150—200 метров, да и то не всегда удается получить пресную воду, в большинстве случаев это горько-соленая жидкость, которую охотно пьют только верблюды. Саксаул и трава-колючка — основной корм верблюдов.



→

В песках Кара-Кумов водится довольно значительное количество сусликов, зайцев и лисиц, на которых с успехом охотятся туркмены. Они ходят на охоту с борзыми (степные борзые, называемые тазами, — разновидность русской борзой), ставят капканы и добывают зверя, главным образом лисиц, из норы. Капканы ставятся недалеко от нор зверя, на его тропах, по следу, хорошо заметному на песках. Утром охотники объезжают места установки капканов и часто находят в них добычу.



←

Неутомимые мускулистые степные борзые в отличие от русской борзой не только гонят зверя «по-зрячему», но и разыскивают его по следу, подымают с места лежки и громадными быстрыми бросками догоняют его.

→

Если зверь ушел в нору, борзая сильными лапами быстро разрывает землю и, добравшись до зверя, душит его.



Возвращение с охоты.

↓





СКУПКА КИТАЙСКИХ КНИГ АМЕРИКАНЦАМИ.

В связи с японо-китайской войной китайские правительственные и частные библиотеки вынуждены были распродать много ценнейших древних манускриптов и книг Соединенным Штатам Америки, чтобы избежать захвата их японцами или уничтожения от бомбардировок и пожара.

Вашингтонская правительственная библиотека приобрела свыше 20 тысяч китайских книг, среди которых имеется много книг-уникумов, представляющих антикварную редкость. Книги приобретаются специальными агентами-американцами в Китае. Много книг передается библиотекам крупнейших американских университетов.

По сообщению «Нью-Йорк таймс», большинство книг китайских правительственных библиотек уже находится в Америке. Производится скупка книг у частных владельцев. Особенно много ценных книг — памятников старины — было обнаружено в Северном Китае. Газета пишет, что в китайских семьях существовал такой культ древних книг, считавшихся священными, что ни один иностранец не имел доступа к ним. Манускрипты передавались из поколения в поколение, и их берегли как святыню. Европеец-китаевед, желающий взглянуть на какой-нибудь редкий экземпляр, мог добиться этого с величайшим трудом, лишь получив разрешение всех членов семьи, которые не всегда живут вместе.

В последнее время под страхом нашествия японцев китайцы начали продавать эти книги, причем, как отмечает «Нью-Йорк таймс», по очень низкой цене. Многие книги даже никогда не были открыты. Газета подчеркивает, что китайцы надеются по окончании войны получить обратно свои сокровища ввиде перепечатанных книг или фотографий.

УПАДОК СПОРТА В АНГЛИИ. Европейская война катастрофически отразилась на спортивной жизни Англии. Особенно пострадали рабочие спортивные организации.

В одном только Лондоне, центре футбольной игры, футбольная ассоциация, насчитывавшая до войны 2400 клубов, теперь объединяет всего 450 клубов. В провинции дело обстоит еще хуже: там распущено свыше 2 тысяч футбольных команд. В Бристоле — центре игры в регби — распущено свыше 100 команд.

ВСЕ ДЛЯ РЕКЛАМЫ! Один предприимчивый американец, желая привлечь внимание проезжающих по дороге мимо его закусочной, симулирует — не мало, не много — воздушную катастрофу! На крыше его заведения установлен почти вертикально макет самолета в натуральную величину в таком положении, как будто самолет врезался носом, упав с воздуха. Такая, необычная даже для Америки реклама дает недурные доходы владельцу закусочной.



ЭПИДИАСКОП В АУДИТОРИИ. Для демонстрации в студенческой аудитории операций, производимых профессором в операционной, итальянский журнал «Сапере» предлагает использовать эпидиаскоп.

Объективы эпидиаскопа устанавливаются над операционным столом, около освещающих его электрических ламп. С помощью системы линз и зеркал изображение передается на мощный проекционный аппарат, установленный позади небольшого отверстия в стене, которая отделяет операционную от аудитории. Аппарат отбрасывает на экран увеличенное, четкое изображение операционного поля. Пояснения, даваемые профессором, улавливаются микрофоном и передаются в аудиторию. Таким образом студенты, находясь в аудитории, совершенно изолированной от операционной, имеют возможность следить за ходом операции.

АНТИКОРЕВАЯ ВАКЦИНА. Два английских врача ведут в настоящее время интересную работу по созданию антикоревой вакцины. Возбудитель кори культивируется в оплодотворенных куриных яйцах. Получаемая таким образом вакцина прививается подопытным обезьянам. Обезьяны, которым прививалась вакцина, полученная в результате пятикратной пересадки возбудителя из одного куриного яйца в другое, заболевали типичной корью; при прививке же вакцины, полученной после еще большего количества пересадок, у обезьян появлялась только сыпь, без каких бы то ни было других симптомов кори.

Для того чтобы судить об эффективности этой прививки, необходимо прежде всего установить, не является ли пониженное действие такой вакцины результатом частичной гибели вируса. Разработкой этого вопроса занялась сейчас группа американских врачей.

ПИЛОТ ВИДИТ СВОЮ ПОСАДКУ «СО СТОРОНЫ». Американский журнал «Сайенс ньюз леттер» сообщил недавно о последней новинке оборудования американских пассажирских самолетов — телевизоре, на экране которого пассажиры и пилот могут видеть как посторонние наблюдатели свою посадку. Посадка принимается камерой «телерепортера» в аэропорте, передается на центральную станцию, а оттуда — на все телевизоры, принимающие волны данной длины.

ДЛИТЕЛЬНОЕ СОХРАНЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ. Американский ученый доктор Джозеф Бродман изобрел и запатентовал новый способ предохранения документов от влияния внешнего воздуха. Этот способ состоит в следующем: лист бумаги, который следует сохранить, заклеивают с обеих сторон тонкой и совершенно прозрачной бумагой (типа целофана), которая кроме того покрывается и заклеивается по концам составом из 25 частей манильской камеди и 75 частей этилового спирта. Таким образом сохраняемый документ герметически «закупоривается», изолируется от влияния внешней среды; в то же время благодаря слоям прозрачной бумаги, в которые он заключен, он приобретает большую прочность, не рвется и не мнется. Вес и плотность листа обычной бумаги, обработанной таким образом, увеличивается менее чем вдвое. Нанесение предохраняющего слоя занимает две—три секунды.

СВЕТОВЫЕ ДОРОЖНЫЕ ЗНАКИ. Джон Грин, председатель Американской компании световых дорожных знаков, предложил устанавливать такие знаки (стрелки, разделяющие правое и левое полотна дороги, круги, которыми очерчены «островки спасения» и т. п.) не на высоте 20—30 сантиметров от уровня дороги, как это начали в последнее время делать в США, а на уровне дорожного полотна. Неоновые или другие газосветные лампы устанавливаются несколько ниже этого уровня и покрываются очень прочной прозрачной пластмассой, составляющей одно целое с мостовой. Такая прочная пластмасса, выработанная химической компанией Монсанто, испытывалась в течение 9 месяцев в городе Литтль Рок (штат Арканзас) на улице с очень оживленным движением, где ежедневно проезжает около 9 тысяч автомобилей. За это время пластмасса не прогнулась, не треснула и не потеряла прозрачности.

ПИТАНИЕ ПУТЕМ ВПРЫСКИВАНИЯ. В США недавно начали применять способ питания тяжелобольных путем внутривенного впрыскивания продуктов распада белка — аминокислот. Белки — необходимый для человеческого организма продукт питания. Впрыскивание аминокислот больным, которых по состоянию их здоровья невозможно питать обычным путем, резко улучшает их общее состояние.

НЕОНОВЫЕ ЛАМПЫ В ТЕПЛИЦАХ. В Голландии освещение плодов и ягод светом газонаполненных неоновых ламп для ускорения созревания вышло уже из стадии эксперимента и применяется на практике. Уже в феврале в Голландии продается (конечно, по очень высокой цене) местная, а не привозная с юга, как раньше, клубника.

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

«В КРАСНУЮ АРМИЮ!» К. Тараданкин. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 1940.

Сильная духом и сильная телом, советская молодежь идет на призывной пункт с высоко поднятой головой, с открытым взором. Она горячо любит свою родную Красную Армию. Для нее нет ничего более дорогого, благородного, священного, нежели служба в рядах защитников социалистической родины.

Не то было до революции. Проводы рекрутов в армию выливались в большое народное горе. Матери и невесты провожали своих родных и близких с плачем и причитаниями.

Чтобы напомнить молодым читателям о постылой царской солдатчине, автор останавливается лишь на двух скупых, но выразительных картинах. Это отступление усиливает рассказ о подготовке к призыву в Красную Армию, которая показана на одном ярком конкретном примере — примере военного комиссариата Краснопресненского района Москвы. Брошюра К. Тараданкина, насыщенная богатым фактическим материалом, живо повествует о трепетном волнении, с каким ожидает молодой человек нашей страны самого радостного, праздничного дня своей жизни — дня призыва.

Приписка — это начало дружбы призывника с военкоматом. Уже в этом преддверии Красной Армии молодежи идут во всем навстречу. Ей помогают укрепить свое здоровье, закалить себя физически, повысить общеобразовательную подготовку. Много товарищей перед призывом задумывается над своей профессией,

и в этом им помогают. Военкомату приходится заниматься даже трудоустройством родителей призывников, потому что отказ молодых патриотов от льгот — явление массовое.

Автор запечатлел веселую обстановку, которая царит на пункте в заветный день призыва. Счастливцы, принятые в армию, спешат поделиться по телефону радостной вестью с близкими. На шахматных досках завязываются упорные схватки, в библиотеке закипают умные споры о прочитанных книгах. Одна песня сменяется другой. На импровизированной эстраде выступают наши лучшие артисты. В гости к будущим бойцам приезжают Герои Советского Союза, ученые, мастера искусств, писатели, выдающиеся спортсмены, знатные стахановцы столичных предприятий. Как непохож наш призывной пункт на «воинское присутствие», через которое проходила молодежь, призываемая в царскую армию!

«Практика Краснопресненского района подсказывает, — заключает автор, — что так же интересно и содержательно можно организовать день на каждом призывном пункте».

В главе, посвященной работе комсомольцев, обслуживающих призывной пункт, видна кровная связь армии и ленинского союза молодежи. Попав из стен института в непривычную обстановку, они не растерялись. Комсомольцы проявили много выдумки и изобретательности в организации самодеятельности призывников. Они выпускали замечательную стенгазету, насыщенную яркими документами вдохновенной любви к родине.

Перед читателем проходит замечательная галерея молодых людей, различных по характеру, наклонностям, профессии. Но их всех роднит одно чувство — чувство советского патриотизма. Искандер Ишуков, одаренный музыкант, умеет по достоинству оценить мастерство пианиста и меткость снайпера. Он сдал нормы на четыре оборонных значка. Молодой астроном Станюкович посвящает свои научные наблюдения самолетовождению. Автогенщик Еремин перед уходом в армию подготовил себе смену: обучил своему делу молодого чернорабочего.

Тепло, ласково провожают трудящиеся своих сыновей в Красную Армию. Отцы и матери напутствуют их служить честно, никогда не отступать от воинской присяги. Главой «Проводы» К. Тараданкин заканчивает свою бодрую, хорошую, поучительную брошюру.

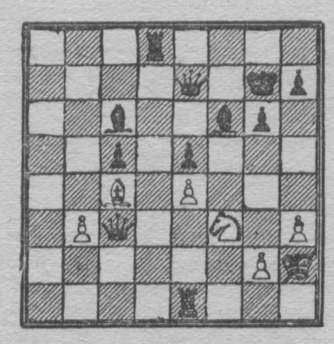
И. ВАКС

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

Приводим интересное окончание партии, игранной в матче на первенство Украины 1939 года между чемпионом Украины мастером Болеславским и кандидатом в мастера Поляком.

ПОЛЯК



БОЛЕСЛАВСКИЙ

Пользуясь лучшим расположением своих фигур, черные начинают атаку на короля.

1. ... h7 — h5!
2. g2 — g3 g6 — g5

Задача черных — согнать коня с поля f3 и захватить поля d4 и d2.

3. Kph2 — g2 g5 — g4
4. h3 : g4 h5 : g4
5. К f3 — h2 Лd8 — d4
6. Cc4 — d3 Фe7 — d7
7. Cd3 — b1 Cf6 — e7

Защищая пешку c5 и получая возможность при случае включить слона в игру путем c5 — c4 и Cc5.

8. Cb1 — c2 Лd4 — d2+
9. Kpg2 — h1 ...

Проигрывает 9. Kpg1 Фd4+ 10. Ф : d4 c : d 11. Cdl Cc5! 12. К : g4 d3 + 13. Kph1. С : e4 +! 14. Л : e4 Л : dl + 15. Kph2 d2! и пешка d2 проходит в ферзи.

9. ... Фd7 — d4
10. Фc3 : d4 e5 : d4!

Открывая диагональ для нападения на пешку g3 и одновременно получая сильное поле e5 для своих фигур.

11. Cc2 — d1 Ce7 — d6
12. Kd2 — f1 Лd2 — b2
13. Kph1 — g1 Cd6 — e5!

Блокирует пешку e4 и лишает белых всяких шансов, связанных с ее продвижением.

14. Лe1 — e2 Лb2 — b1
15. Cd1 — c2 Лb1 — c1
16. Cc2 — d3 Лc1 — c3
17. Лd2 — c2 ...

Белые надеются на вариант 17. Л : d3 18. Л : c5 с шансами на ничью.

Однако следующий эффектный ответ черных быстро решает партию.

17. ... Cc6 — b5!
18. Лc2 : c3 d4 : c3
19. Cd3 — c2 Ce5 — d4+
20. Kpg1 — g2 Cb5 — e2

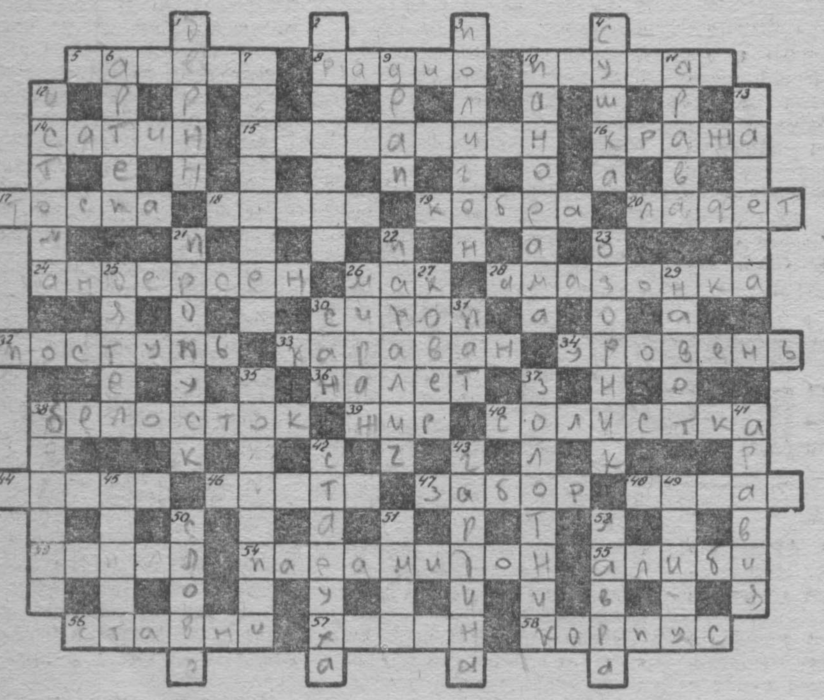
Эндшпиль безнадежен для белых.

21. Kf1 — h2 Kpe7 — f6
22. Kpg2 — h1 Kpf6 — e5
23. Kph1 — g2 Cd4 — e3
24. Kh2 — f1 Ce2 — f3+
25. Kpg2 — h2 Ce3 — f2

У белых нет хороших ходов. На ход 26. Cd3 решает 26... Cd1 27. Kpg2 Cd4, оставаясь с лишней фигурой. Белые сдались.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Розенблат И.



ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Драгоценный камень.
8. Способ передачи энергии на расстояние без проводов.
10. Бог подземного царства и смерти у древних греков.
14. Материя.
15. Пьеса Б. Шоу.
16. Тайное похищение чужого имущества.
17. Опера композитора Пучини.
18. Созвездие.
19. Змея.
20. Часть артиллерийского орудия.
24. Автор детских сказок.
26. Растение.
28. Река в Южной Америке.
30. Сладкий напиток.
32. Походка.
33. Обоз вьючных животных.
34. Норма.
36. Внезапное нападение.
38. Город Западной Белоруссии.
39. Вещество растительного или животного происхождения.
40. Артистка, исполняющая самостоятельные партии.
44. Минерал.
46. Плоскогорье.
47. Ограда.
48. Раствор для обработки фотографических отпечатков.
53. Степень нагрева.
54. Лекарство.
55. Доказательство невиновности.
56. Деревянные затворы к окнам.
57. Древняя одежда.
58. Остов.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Столица европейского государства.
2. Предсказание.
3. Поле для учебной стрельбы.
4. Мучное изделие.
6. Пионерский лагерь в Крыму.
7. Газетный работник.
9. Материя.
10. Вид.
11. Ватага.
12. Томление, усталость.
13. Помещение.
21. Право входа.
22. Болезнь.
23. Буян.
25. Птица.
26. Явление в пустыне.
27. Украшение жилища.
29. Поклеп.
30. Приток Вислы.
31. Шахматный термин.
35. Дачная местность под Москвой.
37. Мера веса.
38. Ядовитое растение.
41. Крупнейший полуостров на земле.
42. Старая женщина.
43. Занавес.
45. Старинная монета.
49. Женское имя.
50. Элемент речи.
51. Название картины художника Левитана.
52. Название некоторых монастырей.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В «ОГОНЬКЕ» № 9.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Икс. 6. Винт. 8. Альт. 10. Вода. 13. Осло. 16. Атланта. 17. Бланк. 20. Аннам. 23. Око. 25. Атом. 26. Ниша. 27. Стакан. 31. Натура. 35. Берлиоз. 39. Апофема. 40. Юморист. 41. Рафинад. 43. Атаман. 47. Атбара. 50. Егор. 52. Юрта. 53. Ост. 55. Аргон. 60. Аркан. 63. Барокко. 64. Мрак. 66. Икра. 67. Обои. 69. Брно. 70. Гну.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Кит. 2. Оса. 3. Ива. 5. Сто. 7. Нота. 9. Лото. 10. Вол. 11. Дон. 12 Танк. 14. Сап. 15. Ока. 17. Борт. 18. Арак. 19. Кран. 20. Адан. 21. Наст. 22. Метр. 23. Ом. 24. Он. 27. Скала. 28. Агора. 29. Арена. 30. Ил. 32. Апорт. 33. Улица. 34. Астра. 35. Бар. 36. Риф. 37. Ион. 38. Зюд. 42. Ир. 44. Тара. 45. Марс. 46. Неон. 47. Аара. 48. Банк. 49. Рейн. 51. Ро. 52. Ют. 54. Слон. 56. Рим. 57. Ода. 58. Даго. 59. Акар. 61. Рак. 62. Ара. 65. Кол. 66. Иод. 68. Иго. 69. Буг.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Тел. К 2-96-12, К 4-28-45. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова. Стат. формат 275 × 360 мм 1/8 доля, 1½ бум. листа. Техредактор А. Котельникова.

Уполн. Главлита А—26149. Изд. № 399. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 15/III 1940 г. Подп. к печати 5/IV 1940 г. Заказ № 1020. Тираж 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.





КОГИЗ ***„ФИЛАТЕЛИЯ"***

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ

ПОЧТОВЫЕ МАРКИ ДЛЯ КОЛЛЕКЦИЙ

(В ПАКЕТАХ)





			Цена:
Пакет №	**1.**	10 марок **Тувинской Народн. Республики**	3 р.
» №	**2.**	10 марок **Тувинской Народн. Республики**	3 р.
» №	**3.**	10 марок **Тувинской Народн. Республики**	3 р.
» №	**4к**	7 марок **Тувинской Народн. Республики**	2 р.
» №	**5к**	7 марок **Тувинской Народн. Республики**	2 р.
» №	**6к**	7 марок **Тувинской Народн. Республики**	2 р.
» №	**7.**	25 **советских марок**	1 р.
» №	**8.**	25 марок **дореволюционной России**	1 р.
» №	**9.**	7 марок **Монгольской Народн. Республики**	1 р.
» №	**10к**	25 **советских марок**	2 р.
» №	**22.**	15 марок **Азербайджана** (вып. 1921—22 гг.)	— 75 к.
» №	**23.**	10 марок **Армении** (вып. 1923 г.)	1 р.
» №	**24.**	10 марок **Грузии** (вып. 1922—23 гг.)	— 85 к.
» №	**25.**	15 марок **ЗСФСР** (вып. 1923 г.)	1 р. 50 к.
» №	**27.**	11 марок **РСФСР:** 1-й и 2-й советские вып.	— 85 к.
» №	**29.**	4 марки **УССР** (вып. 1923 г.)	— 60 к.
» №	**31.**	4 марки СССР **«Сельскохоз. выставка»** (вып. 1923 г.)	— 90 к.
» №	**32.**	5 марок СССР **«Ленинградское наводнение»** (вып. 1924 г.)	1 р. 80 к.
» №	**35.**	7 марок СССР **«Народы СССР»**	1 р.
» №	**36к**	13 марок СССР **«Народы СССР»**	1 р. 90 к.
» №	**38.**	4 марки СССР **«60-летие М. И. Калинина»**	— 95 к.
» №	**39.**	3 марки СССР **«Л. Н. Толстой»**	— 90 к.
» №	**40.**	6 марок СССР **«А. С. Пушкин»**	1 р. 80 к.
» №	**41.**	7 марок СССР **«Авиопочта»** (вып. 1937 г.)	2 р.
» №	**42.**	4 марки СССР **«Авиоэкспедиция на северный полюс»**	1 р.
» №	**43.**	7 марок СССР **«XX лет РККА»**	2 р.

			Цена:
Пакет №	**44.**	7 марок СССР **«Перелеты Москва — США через северный полюс»**	1 р. 65 к.
» №	**46.**	4 марки СССР **«Снятие папанинцев со льдины»**	— 75 к.
» №	**49.**	9 марок СССР **«Авиоспортивная серия»**	1 р. 75 к.
» №	**74.**	4 марки РСФСР **«5-летие Октябрьской революции»**	1 р.
» №	**75.**	6 марок РСФСР с изображ. рабочего, крестьянина и красноармейца	— 85 к.
» №	**76.**	3 марки СССР **«Павильон СССР на выставке в Париже»**	— 50 к.
» №	**77.**	2 марки СССР **«Московск. телеграф и Волховск. ГЭС»**	1 р. 50 к.
» №	**78.**	6 марок РСФСР: надпечатка звезды на марках 1909/17 гг.	1 р. 75 к.
» №	**85**	5 марок СССР **«В помощь беспризорным детям»** (вып. 1926—29 гг.)	1 р. 90 к.
» №	**91.**	7 марок **Азербайджана** (надпечатки на марках вып. 1920 г.)	2 р. 50 к.
» №	**101.**	10 марок СССР **«Всесоюзная Сельскохоз-выставка»** (вып. 1939 г.)	3 р.
» №	**102.**	5 марок СССР **«День авиации СССР»**	1 р. 75 к.
» №	**103.**	4 марки СССР **«М. Е. Салтыков-Щедрин»**	1 р. 20 к.
» №	**104.**	3 марки СССР **«М. Ю. Лермонтов»**	— 65 к.
» №	**105.**	3 марки СССР **«Н. Г. Чернышевский»**	— 75 к.
» №	**106.**	8 марок СССР **«Курорты Кавказа»**	1 р. 85 к.
» №	**107.**	2 марки СССР **«Павильон СССР на выставке в Нью-Йорке»**	— 50 к.
» №	**108.**	4 марки СССР **«А. П. Чехов»**	— 60 к.

(в пакетах №№ 1—6к, 7 и 10к, 35 и 36к — марки разные).

ТРЕБУЙТЕ ЭТИ МАРКИ во всех МАГАЗИНАХ и КИОСКАХ КОГИЗА

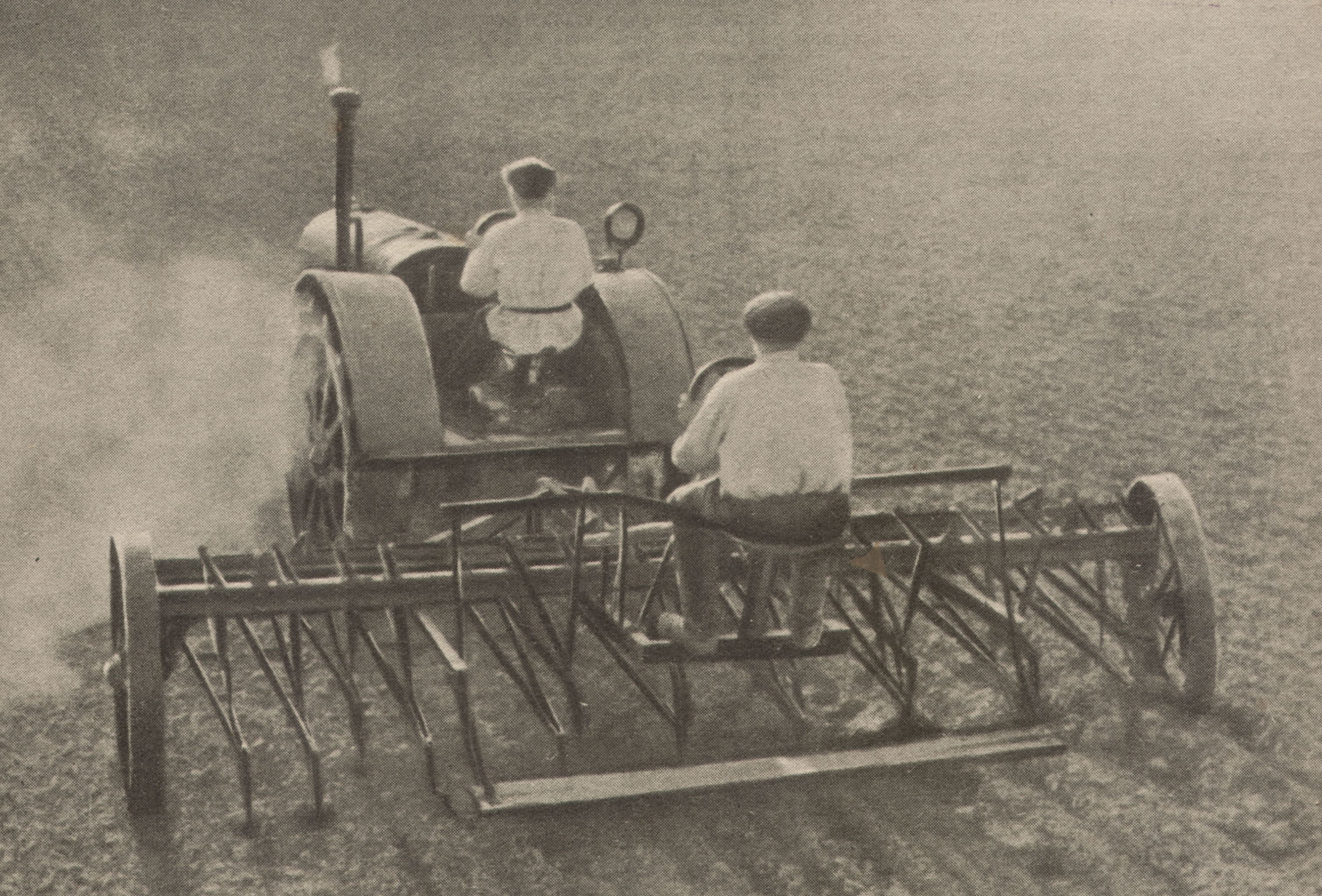
Граждане, продавайте негодные вышедшие из употребления предметы хозяйственного и домашнего обихода из цветных металлов: **САМОВАРЫ, ЧАЙНИКИ, ПРИМУСЫ, КАСТРЮЛИ И ДР.**

ЛОМ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ ПОКУПАЕТ ЧЕРЕЗ СВОИХ АГЕНТОВ И ПАЛАТОЧНУЮ СЕТЬ-

трест **„ВТОРЦВЕТМЕТ"**

А ТАКЖЕ ПАЛАТКИ СОЮЗУТИЛЯ, ПРОМКООПЕРАЦИИ И ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ

148
НАГАТИНСКОЕ ШОССЕ
Д.9,КВ.51
БАРАНОВУ В.В.
17 1.12 ОГОНЕК



Огонек
Цена 50 коп.